

НАУЧНЫЙ
АСПЕКТ
na-journal.ru

2024

№2
TOM 13

УДК 001.8(082)

ББК 1

Н 34

Периодичность – 12 раз в год

Свидетельство ПИ № ФС 77-84349

ISSN 2226-5694

Состав ред. коллегии и сведения об учредителе
приведены на сайте <https://na-journal.ru>

Н 34 НАУЧНЫЙ АСПЕКТ № 2 2024. – Самара: Изд-во ООО «Аспект»,
2024. – Т13. – 128 с.

Журнал «Научный аспект» является научным изданием и отражает результаты научной деятельности авторов по различным дисциплинам в области гуманитарных, естественных и технических наук.

УДК 001.8(082)

ББК 1

Почтовый адрес: 420100 г. Казань а/я 9

Официальный сайт: <https://na-journal.ru>

Электронная почта: public@na-journal.ru

Подписано к печати 19.03.2024

Бумага ксероксная. Печать оперативная. Заказ № .
Формат 60×84 /16. Объем 7,68 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Куранты»

г. Казань, Сибирский тракт, 34к14, оф. 317, тел. +7 (843) 216-12-71

Содержание

ПРАВО

Мещанинов В. А.

Социально-психологический портрет современного террориста.....1547

Стырин П. С.

Конкретизация пробелов в законодательстве в жилищной сфере.....1560

Арямов П. А.

Учет неустойки, обеспечивающей обязательство возместить реальный ущерб, в реестре требований кредиторов.....1566

Лубнина А. В.

О международных правовых актах, регулирующих общественные отношения в сфере экологического туризма.....1571

Мустафаева М. М.

К вопросу проблем уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних.....1576

Сергеев Н. И.

Обоснованность оправдательного и обвинительного приговора.....1580

Крайнов П. Е.

Компенсация морального вреда в рамках законодательства РФ.....1586

Вышлова А. П.

Сравнительный анализ доктрины эквивалентности и адекватной причинности: проблемы практического применения.....1596

Уздовский А. В.

Освобождение от уголовной ответственности в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ.....1603

Маркова Е. С., Асеев Д. В.

Принцип гласности (транспарентности) в финансовом праве: особенности реализации в российской практике.....1609

Алексеева А. А., Минеева В. Н.

Проблемы по противодействию коррупции органами прокуратуры.....1617

Власов А. С.

Интерпретация понятия «собственность» в контексте интеллектуальной собственности.....1626

Федоров И. А.

Особенности правовой защиты объемных товарных знаков.....1632

Макарова О. А., Бостриков В. А.

К вопросу о корпорациях и унитарных организациях.....1641

Суворова Е. Ю.

Актуальные проблемы выдела доли в общем имуществе при процедуре несостоятельности (банкротства) гражданина-должника.....1648

Гавриловских Н. В.

Деятельность органов местного самоуправления по обеспечению противопожарной безопасности.....1653

Евдокимов А. С., Гаврилова Ж. М.

Право на аборт в США и Российской Федерации: генезис регулирования и современное положение законодательства.....1660

УДК 343.9

Социально-психологический портрет современного террориста

Мещанинов Василий Александрович

магистрант кафедры Уголовно-правовых дисциплин
факультета Юриспруденции и правового регулирования
Российского государственного социального университета

***Аннотация:** Данная статья посвящена исследованию социально-психологических особенностей терроризма в трудах современных отечественных и зарубежных ученых, выделению социальных и личностных характеристик современного террориста. В нем раскрываются социально-психологический портрет современного террориста и рекомендации по его использованию для профилактики проблемы терроризма.*

***Abstract:** This article is devoted to the study of socio-psychological features of terrorism in the works of modern domestic and foreign scientists, and to the allocation of social and personal characteristics of the modern terrorist. It reveals the socio-psychological portrait of the modern terrorist and recommendations on using the portrait for the prevention of the problem of terrorism.*

***Ключевые слова:** терроризм, личность, портрет террориста, мотив терроризма, профилактика терроризма.*

***Keywords:** terrorism, personality, portrait of a terrorist, motive of terrorism, prevention of terrorism.*

Актуальность проблемы. Характерной особенностью современного мира является активное использование насилия как наиболее эффективного способа разрешения социальных противоречий. Террор превратился в самый эффективный метод достижения конкретных политических целей, действенным средством устрашения и уничтожения противника во всех сферах общественной жизни. Терроризм становится все более организованным, хорошо финансируемым, характеризуется использованием

самых современных технических средств и представлен в основном организованными объединениями. Все это повышает уровень его опасность и требует новых подходов к его диагностированию и выявлению.

Анализ предшествующих исследований и публикаций. Обобщая исследования ряда ученых, в частности, Ю.М.Антоняна[1;2], М.Д.Литвинова [8], Д.В.Ольшанского[10], В. В. Устинова [11] можно составить типичный портрет террориста, с учетом точки зрения российских специалистов — психологов, выделяющих отдельные группы из общей массы террористов.

Для исследования данного явления в последнее время все чаще обращаются к новым подходам, одно из ведущих мест среди них занимает социально-психологическое измерение данной проблемы. Указанный подход позволяет установить социальные, психологические предпосылки для принятия личностью решения по избранию пути терроризма.

Следовательно, необходимость выработки новейших подходов к исследованию терроризма, выработке социальных механизмов его предупреждения, необходимость снижения влияния на общество последствий этого явления делают нашу статью актуальной и определяют ее цель.

Цель исследования: на основе анализа социально психологических факторов выявить и разработать социально психологический портрет современного террориста, предложить рекомендации по его использованию для профилактики проблемы терроризма.

Основное содержание. Как социально-политическое явление терроризм представляет собой совокупность преступлений, совершение которых совершается с использованием насилия отдельными лицами и специально организованными группами и общностями. Он проявляется как сложное социально-политическое явление [8, 11, 7, 10].

Наблюдаемая установка и главный мотив террористов — борьба против сил, которые, по их мнению, представляют несправедливый социально-экономический строй.

Террористы прибегают к самым разным видам насилия над личностью: физическому, имущественному и морально-психологическому. И хотя при анализе настоящих террористических действий время от времени тяжело провести меж ними четкую грань, в каждой акции террора доминирует тот либо другой вид насилия [10].

Физическое насилие при использовании террористических методов рассчитано на то, чтобы изменить (или сохранить прежнюю) политику путем физического отстранения конкретного человека или группы лиц от выполнения ими государственной или общественной деятельности. Это может выражаться в лишении этого лица (группы лиц) жизни, в нанесении ему телесных повреждений, в лишении или существенном ограничении его свободы.

Имущественное насилие над лицом имеет те же политические цели, что и физическое насилие, однако оно осуществляется путем покушения на государственное, общественное или личное имущество отдельных лиц. Она рассчитана на то, чтобы лишить человека или организацию материальных возможностей для проведения в жизнь избранной политической линии.

Морально-психологическое насилие является составной частью как физического, так и имущественного насилия, поскольку террорист всегда стремится к запугиванию политического противника. В то же время морально-психологическое насилие над конкретным лицом или группой лиц выступает и как самостоятельный способ насилия. Оно осуществляется путем шантажа, угроз, клеветы и подобных действий, направленных на то, чтобы запугать человека, вывести его из равновесия.

Таким образом, феномен терроризма связан с проблемой насилия в истории человеческого общества в целом и со стороны чиновников, в частности. С этой точки зрения терроризм выступал и выступает как своеобразное выражение отчаяния и как форма протеста против национального, религиозного, социального и политического притеснения.

В целом можно выделить ряд сущностных черт терроризма [7].

Целью терроризма является устрашение тех, на кого направлен террористический акт. Элемент насилия не работает только тогда, когда угроза теракта выражена явно (продемонстрирована реальная возможность, способность и готовность его осуществить). При этом для того, чтобы действие было эффективным, высказанная угроза не реализуется до конца.

Публичный характер терроризма производит его оружием двойного действия. Если объектом террористических действий является конкретный политик или государственный деятель, то им следует опасаться не

только за свою жизнь и здоровье, но и гнева собственного населения, которое начинает выдвигать к власти свои претензии и требования. Совершенно не случайно террористы выбирают для взрывов и поджогов места с наибольшим скоплением людей. Терракт должен вызвать чувство общей опасности, всеобщего риска и социальной напряженности в обществе.

Таким образом, можно сказать, что терроризм — это публично совершенные общественно-опасные деяния или угрозы с целью устрашения населения в интересах террористов.

В основу террористической деятельности (насилия) положены следующие процессы: санкционирование, рутинизация, дегуманизация [7, 10]. В основе этих процессов лежит механизм снижения нравственной ответственности за террористические действия.

Внутренней структурой терроризма выступает процесс его протекания. Успех деятельности террористов определяется эффективностью взаимодействия его составляющих. К структуре терроризма относятся следующие составляющие: организационно-управленческая деятельность, работа по подготовке и материально-техническому обеспечению террористической деятельности, информационно-аналитическая деятельность, деятельность по непосредственному выполнению акта, анализ внешней террористической структуры деятельности.

Наряду со структурой выделяют разновидности терроризма: социально-политический, националистический, религиозный, каждый из которых имеет собственные особенности [7;10].

Кроме того, различают разновидности терроризма [7;10]:

- терроризм, в основе которого положена идеология, терроризм целью которого выступает достижение национальной независимости,
- терроризм по самоопределению народов, терроризм вооруженных групп и движений, борющихся против репрессивных режимов;
- по сферам применения — политический, государственный, религиозный, полезный, криминальный, национальный, военный, идеалистический, партизанский и другие.

Идейной основой терроризма выступает экстремизм, но главная разница между терроризмом и экстремизмом состоит в том, что террористы

доводят до логического окончания дело социальной дестабилизации общества, а экстремист на этой стадии останавливается.

Следовательно, для понимания проблемы терроризма с точки зрения социальной психологии возникает необходимость построения социального образа (социального лица террориста).

Террорист — разрушитель, сознательно избравший образ жизни и стиль поведения практически на всю жизнь.

Рассмотрим личность, индивидуальную и социальную основу терроризма.

Условия (общественные и индивидуальные) возникновения терроризма [7;10]: политические условия — кризис власти; экономические условия — экономический кризис, снижение жизненного уровня населения; социальные — социальное расслоение общества, появление людей не способных содержать себя и семью; духовные — духовный распад общества, разрушение нравственных ценностей, мировоззренческий вакуум.

Терроризм поддерживается верованиями и идеологическими установками, романтизмом героев.

Мировоззренческая идеология терроризма базируется на упрощенном понимании мира, примитивном понимании средств борьбы (путем насилия). Идеологию терроризма можно охарактеризовать, как комплекс крайне радикальных идейных установок, которые выступают как теоретическая основа для проявления насилия в различных формах на нелегитимной основе для достижения определенных целей [7].

Менталитет террориста построен на отказе от слов в сторону действия, терроризм — путь тех, кто не смог (не захотел) глубоко познать сущность социальных процессов, поверхностно и примитивно воспринимающий сущность исторических процессов [7;9,10].

У современных террористов морально-нравственные нормы обычно отсутствуют, а идеология используется исключительно для морального оправдания собственной не человечности.

В основе учета террориста лежит информационное представление (образ) основанное на идеологических или других основаниях, позволяющее осуществлять манипулирование людьми. Наблюдается смещение мотивации по социальным мотивам в сторону индивидуальных мотивов. Мотив побуждает и имеет смыслообразующую функцию для террориста.

По мнению современных исследователей, среди основных мотивов террористической деятельности можно выделить: меркантильные мотивы, идеологические мотивы, мотивы преобразования, активного изменения мира, мотив власти над людьми, мотивы интереса и привлекательность терроризма как особой деятельности, «общительная» мотивация эмоциональной привязанности, мотив самореализации и другие [3, 7, 10].

К индивидуальным характеристикам и внутриличностным мотивам терроризма можно отнести следующее: патологическая основа, исходная агрессивность, романтичность, индивидуализм.

Рассмотрим личностные свойства современного террориста.

Террорист — человек, отказывающий себе в радостях семейной жизни, общении с друзьями и близкими и занимающийся насильственными действиями, имеет нерациональный тип поведения с точки зрения сохранения жизни.

Террористическое движение включает в себя идеалистов, аморальных циников, приверженцев авторитаризма, противников любой стабильной власти.

Исходя из этого, выделяют следующие типы террористов [7]: руководители-организаторы организации, разработчики идеологической основы, идейные последователи, зомбированные исполнители, лица с неустойчивой психикой, наемники, обычные люди, скрывающиеся от общества в террористических группах.

Личные отличия террористов заметно отражаются в конкретных видах террористической активности и различаются по сферам проявления.

Характеристику личности террориста может осуществляться по различным параметрам, а именно: психологический тип, взаимоотношения с окружающими, профессиональные знания, социальная, политическая и национальная ориентация и другие [4, 7, 9].

Психологический анализ позволяет выделить синдромы, присущие основным типам террористов. «Синдром Зомби» — состояние постоянной сверхбоеготовности, «синдром бойца», постоянно нуждающегося самоутверждение и подтверждение своей способности. Он присущ террористам-исполнителям, боевикам низшего уровня. «Миссионерство» — основной психологический стержень «синдрома Рембо». Рембо не может

(хотя и умеет) убивать без цели — он обязательно должен делать это во имя чего-то высокого. Поэтому ему приходится все время искать и находить те или иные, более сложные и рискованные миссии. Следующим выступает «синдром камикадзе», характеризующийся экстремальной готовностью к самопожертвованию в виде самой жертвы своей жизнью [10].

Среди основных качеств личности террориста можно выделить: преданность своему делу (террору) и своей организации, готовность к самопожертвованию, выдержанность, дисциплинированность, «конспиративность», смирение, коллективизм — способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы [4, 7, 10].

Основным свойством личности террориста считается цельность, сконцентрированность на террористической деятельности и своей группе, организации.

Успешного террориста характеризуют следующие показатели: процедура посвящения, отсутствие человеческих эмоций, относительно высокий уровень интеллекта, интеллигентность [5].

Рассмотрим свойства фаворита террористической организации. По взглядам разных авторов к ним можно отнести [5, 7]: способность влиять на сознание и настроения организованной группы (экономический фактор, организационный фактор), наличие харизмы (направленность к доминированию и управлению окружающими), наличие воли, склонность к агрессии, высокая потребность в престиже и владении властью, происхождение из бедных, часто многодетных семей, наличие значительной кризисной общественной ситуации во время юности, образование (неоконченное университетское образование), членство в радикальной молодежной организации и другие.

Несколько иным образом отражается образ рядового террориста, современные исследователи считают, что он характеризуется следующими показателями: обычно молодой человек, наличие достаточного образования (среднее и выше, но иногда его отсутствие), пылкий сторонник определенной идеи, обладающий движущей силой надежды и устремляющее отчаяние его на совершение актов насилия ради этой идеи, полная уверенность в своей способности идентифицировать тех, кто олицетворяет зло, наличие мелодраматической обеспокоенности по поводу искоренения

этого зла, наличие сомнения, углубление в самоанализ (но не для всех), тяга к солидарности, иногда чувство нравственных и юридических запретов, мировосприятия и существующие взгляды предстают у него в виде закона, позволяющего найти оправдание любым действиям ради достижения цели, склонность к агрессии, способность безразлично дистанцироваться от страданий жертв терактов, потребность принадлежности к группе [4;7,6].

Исключительным в составе рядовых террористов является наличие необразованных людей из самых низких социальных слоев общества, которые в основном становятся сугубо исполнителями терактов.

Исследователи считают, что в структуре личности террориста обычно заметно выражен психопатологический компонент, он связан с ощущением реального или мнимого ущерба, понесенного террористом, дефицита чего-то необходимого, постоянно нужного для такой личности.

Наблюдается эффект понижения в группе моральных и правовых ограничений. Длительное пребывание в группе детерминирует более сильную идентификацию с нормами группы.

В эмоциональном плане выделяются два крайних типа террористов: предельно «холодный», практически безэмоциональный вариант и вариант эмоционально лабильный, склонен к сильным проявлениям эмоций в сфере не связанной с террором, когда обычно снимается жесткий контроль над эмоциями при подготовке и осуществлении террористических актов. С эмоциями связаны и морально-этические проблемы («комплекс греховности»), иногда болезненные для террористов при достаточно высоком уровне образования и интеллектуального развития [6, 10].

В более упрощенных вариантах террорист лишен таких проблем и выступает как бездушная «деструктивная машина».

Как правило, логика и мышление террористов носят сбивчивый и противоречивый характер.

На основе выделенных мировоззренческих, социально психологических и психологических особенностей терроризма нами создан социально психологический портрет (модель, образ) личности террориста.

Разработанный социально-психологический портрет террориста позволяет предложить рекомендации по разработке механизма профилактики

тики данного явления в обществе, выявление лиц, склонных к террористической деятельности.

Рекомендации по профилактике терроризма в обществе:

1. Необходим учет условий, способствующих развитию явления терроризма (политические условия — кризис власти; экономические условия — экономический кризис, снижение жизненного уровня населения; социальные — социальное расслоение общества, появление людей не способных содержать себя и семью; духовные — духовный распад общества, разрушение нравственных ценностей, мировоззренческий вакуум и выработка социальных механизмов их предубеждения дают возможность снижения влияния на общество последствий этого явления.

2. Использование предложенной типологии террористов будут способствовать их выявлению в обществе (руководители-организаторы, разработчики идеологической основы, идейные последователи, наемники, обычные люди, скрывающиеся от общества, зомбированные исполнители) и в соответствии с ней дают возможность получить социально-психологическую характеристику каждого типа террористов.

3. В состав основных социально-психологических особенностей террористов необходимо включить следующие характеристики: социальное происхождение, мировоззренческая основа и основные мотивы террористической деятельности, общие характеристики террориста, личностные характеристики (основные качества террориста, психологический тип, наличие синдромов, индивидуальные характеристики, взаимоотношения в социальной группе, эмоциональная характеристика, логика мышления, общие характеристики успешного террориста.

4. В соответствии с типологией и основных социально-психологических особенностей террористов целесообразно использовать их соответствующие социально-психологические портреты, а именно:

- руководители-организаторы, которые имеют следующие характеристики: социальное происхождение — в основном из небедных, часто многодетных семей; их мировоззренческая основа базируется на упрощенном понимании мира, примитивном понимании средств борьбы (путем насилия), их идеология — комплекс радикальных идейных установок, которые выступают как теоретическая основа для проявления

насилия в различных формах на нелегитимной основе для достижения определенных целей;

- к основным мотивам относятся — идеологические, преобразованные, активные изменения мира, власти над людьми, меркантильность, интерес и привлекательность терроризма как особой деятельности, мотив самореализации; общие характеристики террориста-руководителя — способность влиять на сознание и настроения организованной группы (экономический фактор, организационный фактор), наличие харизмы (направленность к доминированию и управлению окружающими), наличие воли, склонность к агрессии, высокая потребность в престиже и владении властью, наличие значительной кризисной общественной ситуации во время юности, образование (высшее, незаконченное университетское образование), членство в радикальной молодежной организации; личностные характеристики организатора включают — преданность делу (террору) и организации, готовность к самопожертвованию, выдержанность, дисциплинированность, способность к «конспиративности»; коллективизм, способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы, целостность, сконцентрированность на террористической деятельности и своей группе (организации); по психологическому типу они выступают как идеалисты, аморальные циники, приверженцы авторитаризма, противники любой стабильной власти, имеют сильно невротизированный и экстравертированный тип; у них наблюдается наличие синдрома «Миссионерства»; по индивидуальным характеристикам имеют заметно выраженный психопатологический компонент, исходную агрессивность, романтичность, индивидуализм; характеристика их взаимоотношений в социальной группе основана на том, что террористическая группа относится к особому типу «промежуточных групп», все взаимоотношения в которой подчинены основной целевой функции — подготовке и осуществлению террористического акта; по эмоциональной характеристике они относятся к предельно холодному (безэмоциональному) или к эмоционально-лабильному, склонному к сильным проявлениям эмоций в сфере не связанной с террором, имеют морально-этические проблемы, комплекс греховности; логика мышления у них часто носит сбивчивый и противоречивый характер.

Разработчики идеологической основы имеют следующие характеристики: социальным происхождением, мировоззренческими установками, общими характеристиками, личностными характеристиками они подобны руководителям организаторов, но их основные мотивы несколько проще и лишены меркантильности и мотива самореализации как руководителя.

Идейные последователи отличаются от руководителей-организаторов и разработчиков идеологической основы тем, что они по происхождению могут быть из разных слоев населения, но в основном из непривилегированных слоев; мотивирующий компонент в них значительно упрощен и включает идеологические, мотивы преобразования и активного изменения мира; по общим характеристикам это обычно молодой человек с достаточным уровнем образования, имеющий мировосприятие в виде закона, позволяющий найти оправдание любым действиям ради достижения цели, имеющий склонность к агрессии, способность безразлично дистанцироваться от страданий жертв терактов и потребность принадлежности к группе, является ярким приверженцем идеи, его характеризует полная уверенность в способности идентифицировать тех, кто олицетворяет зло, тяготеет к солидарности; по личностным характеристикам имеет отличие в виде синдрома «Рембо» или «Зомби»; в эмоциональном плане отличным является отсутствие каких-либо этических проблем.

Особым типом террористов являются наемники, которые могут относиться к разнообразным слоям населения, однако в них доминируют крайне меркантильные мотивы и мотивы власти над людьми, которые образуют интегральный мотив их самореализации; а при отсутствии этических проблем имеют ярко выраженный синдром «Зомби».

Тип террористов, к которому относятся обычные люди, скрывающиеся от общества, по социальному происхождению, социальной основе и общим характеристикам подобны типу идейных последователей, но имеют ряд отличий: дополнительно к общим характеристикам в них включено наличие мелодраматической обеспокоенности по искоренению зла, наличие сомнения, углубление в самоанализ, чувство моральных и юридических запретов; по эмоциональной характеристике они похожи на руководителей и идеологов и имеют морально-этические проблемы, комплекс «греховности»; им присущи комплексы «Зомби» и «Камикадзе».

И последний тип — зомбированные исполнители отличаются от всех остальных крайне упрощенными характеристиками, что позволяет ими манипулировать и использовать в качестве орудия, непосредственного исполнителя терактов, как террористов-смертников. По социальному происхождению они, в основном, относятся к самым низким социальным слоям и обычно это оказываются не образованные люди с упрощенными идеологическими мотивами и мотивом самореализации, который заключается в основном в совершении теракта и надежде на новую лучшую жизнь после смерти, отражающейся в присущих этому типу синдромах — синдроме «Зомби» и «Камикадзе», все это детерминирует отсутствие у них каких-либо этических проблем, вместо которых у них выступает слепая вера.

5. Использование разработанного социально-психологического портрета современного террориста позволит своевременно выявлять террористов, что, в свою очередь, уменьшит вероятность совершения терактов, уменьшит их экономические и социальные последствия.

Выводы

1. Рассматривая терроризм как социально-политическое явление можно утверждать, что он представляет собой совокупность преступлений, совершение которых совершается с использованием насилия отдельными лицами и специально организованными группами и общностями. В современном мире террорист выступает как разрушитель, сознательно избравший образ жизни и стиль поведения практически на всю жизнь.

Выделены следующие типы террористов: руководители-организаторы организации, разработчики идеологической основы, идейные последователи, зомбированные исполнители, лица с неустойчивой психикой, наемники, обычные люди, скрывающиеся от общества в террористических группах.

2. Социально-психологический портрет современного террориста был разработан на основе выделенных характеристик: социальных (особенности происхождения, типа мировоззрения, образования) и личностных

(основные личностные качества террориста, психологический тип, наличие синдромов, взаимоотношений в социальной группе, эмоциональная характеристика, логика мышления)).

3. Разработанные рекомендации по использованию социально-психологического портрета современного террориста позволяют своевременно выявлять террористов, предотвращать совершение терактов, уменьшить их экономические и социальные последствия.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Личность террориста и вопросы борьбы с терроризмом// Борьба с терроризмом: Сб.тр. — М.; Наука, 2004. — С. 93–108.
2. Антонян Ю. М. Проблемы природы и причин современного терроризма//Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом: Со.стах — М: Наука, 2002. — С. 10–21.
3. Антонян Ю. М. Психология убийства. — М.: Юристь, 1997.— 304 с.
4. Волобаев С. П. Типичные свойства личности террориста/Следователь. — М., 1998.— № 9. — С. 46–51.
5. Гаджиев К. С. Политическая наука. — М.: Сорос — Международные отношения, 1994.— 400 с.
6. Дж. Поуст Дж. Мы против них: групповая динамика политического терроризма // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. — Вып. 4. Терроризм. — М., 1993. — С. 29–44.
7. Дзлиев М. И. Современный терроризм: социально-политический облик противника / М. И. Длиев. — М.: Academia, 2007.— 672 с.
8. Литвинов Н. Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политике-правовой анализ); Монография. — М. — Воронеж; ВВ МВД России, 1999.— 224 с.
9. Медведев В. А. Террор как основание коммуникативной культуры XXI века [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vilar-mgu.ru/php/content.php?group=1&id=733>. (дата обращения: 27.09.2023).
10. Ольшанский Д. Психология терроризма. — СПб.: Питер, 2002.—288 с.
11. Устинов В. В. Обвиняется в терроризме. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.— 416 с.

УДК 347.254

Конкретизация пробелов в законодательстве в жилищной сфере

Стырин Павел Сергеевич

аспирант Российского государственного университета правосудия

***Аннотация:** В статье исследуются сущность и особенности использования правовой конкретизации, как способа устранения законодателем или преодоления правоприменителем пробелов в законодательстве, применительно к жилищному праву. Рассматриваются признаки подлежащего устранению или преодолению пробела в жилищном законодательстве и отграничение его от пробелов в законодательстве, для целей устранения которых подобный способ не может быть использован. Обосновывается вывод о возможности применения конкретизации в качестве метода устранения пробела в жилищном законе лишь с учетом специфики использования его норм для регулирования сходных с жилищными правоотношений, отличающихся субъектным составом и содержанием.*

***Abstract:** The article studies the essence and peculiarities of using legal concretization as a way of elimination by the legislator or overcoming by the law enforcer of gaps in legislation, as applied to housing law. The features of the gap in housing legislation to be eliminated or overcome and its differentiation from gaps in legislation, for the purposes of elimination of which such a method cannot be used, are considered. The conclusion about the possibility of using concretization as a method of eliminating a gap in the housing law is substantiated only considering the specifics of using its norms to regulate legal relations similar to housing ones, differing in subject composition and content.*

***Ключевые слова:** пробел в законодательстве, жилищное законодательство, правовая конкретизация, аналогия закона, устранение пробела.*

***Keywords:** gap in legislation, housing legislation, legal specification, analogy of law, eliminating the gap.*

.....

Природа правовой конкретизации, как юридического феномена, состоит в неопределенной природе права, его норм. Традиционно в общей теории права считается, что правовая конкретизация — объективное свойство правового регулирования, которое заключается в переходе от неопределенности юридического предписания к его определенности, а также не-

определенности нормы права в связи с появлением юридического факта к его качеству определенного правового (индивидуального) регулятора [6].

Так, например, Власенко Н.А. указывает, что Конкретизация — это либо выведение более конкретных норм (или высказываний иного рода, отражающих те или иные содержательные элементы нормы) из более общей и абстрактной нормы, либо подведение (сублимация) конкретного факта (ситуации) под действие общей и абстрактной нормы [3].

С помощью конкретизации воссоздается наиболее полное знание о соответствующем явлении.

Для понимания соотношения данного явления с пробелами в законодательстве необходимо выделить признаки последнего, по которым можно отследить связь правовых явлений. Как явственно следует из приведенного в начале определения правовой конкретизации, одним из её существенных признаков является уход от неопределенности в нормативном регулировании. Вышеуказанная неопределенность имеет несколько разновидностей, одной из которых является законодательный пробел.

Традиционно выделяются следующие признаки пробела в законодательстве, позволяющие отделять при осуществлении рационального познания исследуемое явление от иных и смежных [1]:

1. Наличие сложившихся, систематически воспроизводимых в обществе общественных отношений;
2. Относимость данных общественных отношений к сфере регулирования Права, то есть их существование в качестве правоотношения.
3. Отсутствие специальных норм национального законодательства, применяемых к вышеуказанным общественным отношениям, регулирующих их;
4. Наличие объективной необходимости в том, чтобы эти общественные отношения регулировались специальными нормами национального законодательства.

Переходя к непосредственно жилищной сфере правового регулирования, в рамках вышеуказанного подхода применительно к жилищному законодательству, с учетом предмета правового регулирования последнего, можно обозначить как: «Пробел в законодательстве — наличие таких общественных отношений, которые входят в сферу регулирования жилищ-

ного права, однако же для них при этом не имеется частично или полностью установленного законодательством нормативного регулирования».

Таким образом, можно сделать вывод, что применительно как к пробелам в законодательстве как таковым, так и, в частности, пробелам в законодательстве в жилищной сфере, конкретизация пробелов в законе является способом устранения этого пробела [2].

Согласно Господствующей в юридической науке позиции, сторонником которой является, например, профессор А. С. Корнев, в науке существует государственный механизм восполнения и устранения пробелов в праве, который представляет собой упорядоченную систему государственных органов, каждый из которых наделен определенными полномочиями и функциями по преодолению или устранению пробелов характерными для него методами [4]. По мнению указанного автора, примерная схема действия механизма выглядит следующим образом:

- возникновение ситуации, относящейся к предмету регулирования законодательства и в силу этого имеющей необходимость в наличии специальных регулирующих ее законодательных норм;
- исследование генезиса вышеуказанной ситуации;
- поиск конкретного метода восполнения или устранения пробела;
- в зависимости от выбранного ранее способа устранения установление субъекта, к сфере компетенции которого относится его применение;
- непосредственное восполнение или устранение юридического пробела.

Отличие частичных пробелов от полных заключается в том, что они характеризуются отсутствием регулирования каких-либо сторон общественного отношения, входящего в сферу законодательного регулирования. Для полных пробелов свойственно абсолютное отсутствие законодательной регламентации [7].

Если имеется полный пробел, то есть отсутствует какая бы то ни было норма, то конкретизация неосуществима.

Применительно к жилищным правоотношениям следует отметить, что ввиду высокой социальной значимости правоотношений, связанных с жилищем, и их большой распространенности, функции конкретизации законодательства, прежде всего в части подведения конкретных юридических фактов под действие абстрактной нормы, берут на себя произвольно

не правотворческие, а правоприменительные органы, в том числе относящиеся не только к судебной, но и исполнительной власти, в последнем случае отсутствия какого-либо единообразия правоприменительной практики [5].

В качестве наиболее яркого примера необходимости применения конкретизации как метода устранения пробела в жилищном законодательстве является соотношение таких установленных жилищным законодательством понятий, как «переустройство» и «перепланировка», содержание данных понятий и применение связанных с ним норм.

Так, законодатель определяет перепланировку жилого помещения как «изменение его конфигурации, требующее внесения изменения в технический паспорт жилого помещения». В то же время, законодательно содержание такого понятия, как «конфигурация», не установлено. При этом данное понятие не обладает общепринятой семантикой, ввиду чего значение, в котором оно применяется в норме-определении, не является самоочевидным и дает пространство для нарушений прав осуществляющих перепланировку помещения лиц. Таким образом, имеется пробел в законодательстве, не являющийся квалифицированным молчанием законодательства. В данном случае способом устранения указанного пробела является конкретизация правовых норм, связанных с перепланировкой, путем конкретизации нормы, а именно указания дефиниции понятия конфигурации, либо указания конкретных признаков, при которых «конфигурация» жилого помещения будет изменена.

В то же время, судебная практика содержит и примеры ситуаций, в которых пробел в законодательном регулировании невозможно устранения путем конкретизации законодательства.

Одним из примеров невозможности осуществления конкретизации для устранения пробела в законодательстве является правовое регулирование используемых для жилья нежилых помещений. Данная сфера в силу прямого указания закона имеет закрытый перечень жилищных правоотношений, в отношении которых жилищное законодательство осуществляет регулирование, содержащийся в ст. 4 Жилищного Кодекса РФ. В то же время, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в своем толковании жилищных правоотношений полагал, что законодательное регу-

лирование жилищных правоотношений должно в части распространяться также и на отношения, которые жилищным законодательством не предусмотрены в качестве предмета регулирования, например отношения по поводу общего имущества в нежилых зданиях.

Данный акт толкования органа судебной власти безусловно не является правовым актом и тем более актом законодательства, представляет собой «неправо», однако демонстрирует необходимость судебной власти руководствоваться законодательством в жилищной сфере ввиду отсутствия специального законодательного регулирования.

Попытка осуществить конкретизацию законодательства в данном случае не приведет к устранению или преодолению пробела, так как нормы, регулирующие связанные с этим отношения, выносят общественные отношения, для которых судебной практикой установлена пробельность законодательства и приняты меры к его восполнению, за пределы предмета правового регулирования жилищного права в целом, и по существу данный пробел является, исходя из ранее приведенной терминологии, полным, а не частичным.

Таким образом, следует констатировать, что конкретизацию, как способ устранения или преодоления пробела в законодательстве применительно к жилищным правоотношениям может быть сведен к уточнению признаков отдельных понятий, которые по умыслу законодателя являются общепонятными, но в действительности не являются таковыми для правоприменителей и иных субъектов жилищных правоотношений. В отношении прочих пробелов в законодательстве в жилищной сфере основным способом устранения пробелов в жилищных правоотношениях является издание законодателем соответствующего нормативного предписания.

Специфика конкретизации как способа устранения или преодоления пробела в законодательстве применительно к жилищным правоотношениям состоит в том, что законодательством в данной сфере установлен повышенный стандарт защиты прав лица-обладателя права собственности или иного вещного права на жилье при осуществлении применительно к нему своих прав и обязанностей, из чего следует необходимость при осуществлении конкретизации законодательства учитывать возможность использования конкретизированных норм для устранения пробелов законода-

тельства в сферах, не относящихся к предмету регулирования жилищного законодательства, как в ранее указанном примере с применением жилищно-правовых норм для восполнения пробела в регулировании связанных с нежилыми помещениями отношений. Таким образом, при осуществлении конкретизации необходимо воздержаться от излишнего увеличения числа квалифицирующих признаков, способных при применении нормы по аналогии нарушить баланс интересов сторон в отношениях, связанных с нежилыми помещениями, для которых защита только одной не является приоритетной задачей нормативно-правового регулирования.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций в 2-х томах. Т. 1, — Свердловск, 1972,— 418 с.
2. Алешкевич А. М., Рзаева А. К. Пробелы в сфере правового регулирования переустройства и перепланировки жилого помещения // Юридическая наука,— 2020,— № . 5, — с. 61–63.
3. Власенко Н. А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права,— 2014.— № . 7 (211), — с. 60–75.
4. Корнев А. С. Об устранении и восполнении пробелов в праве в связи с устареванием действующего законодательства // Вопросы экономики и права.— 2014.— № 10. — С. 7–9.
5. Луконская Е.О., Айбазова Е. В. Наличие пробелов в российском жилищном законодательстве // Вестник науки.— 2023,— № 10 (67), — с. 349–353.
6. Панасюк О. С. Пробелы в праве и способы их преодоления и устранения: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01. — Ставрополь, 2012.— 21 с.
7. Саламов В. Н. Общая характеристика понятия и видов пробелов в праве // Евразийский научный журнал,— 2016,— № 12, — С. 194–195.

УДК 34

Учет неустойки, обеспечивающей обязательство возместить реальный ущерб, в реестре требований кредиторов

Арямов Павел Андреевич

аспирант кафедры Предпринимательского и корпоративного права
Российского государственного университета правосудия

***Аннотация:** В статье рассматривается вопрос учета в реестре требований кредиторов требований об уплате неустойки, обеспечивающей обязательство по возмещению реального ущерба. Проводится анализ правового регулирования, судебной практики и научной литературы по исследуемому вопросу. Результатами исследования являются выработка новых подходов к разрешению вопроса учета неустойки, обеспечивающей требования о возмещении реального ущерба, в реестре требований кредиторов.*

***Abstract:** The article deals with the issue of accounting creditors' claims for payment of penalty securing the obligation to compensate for real damage. Legal regulation, judicial practice and scientific literature on the studied issue are analyzed. The research results in the development of new approaches to the resolution of the issue of accounting of the penalty securing the claims for compensation of real damage in the register of creditors' claims.*

***Ключевые слова:** неустойка, заранее оцененные убытки, банкротство, реестр требований кредиторов, очередность, доказывание*

***Keywords:** penalty, liquidated damages, bankruptcy, register of creditors' claims, priority, proof.*

В законодательстве о банкротстве неустойка абсолютно во всех случаях учитывается в реестре требований кредиторов отдельно и подлежит удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов (пункт 3 статьи 137, пункт 1 статьи 213.1, пункт 3 статьи 213.27 Закона о банкротстве). Фактически законодатель прировнял требование по возмещению упущенной выгоды к требованию о взыскании неустоек и иных финансовых санкций. При этом реальный ущерб подлежит учету в третьей очереди реестра требований кредиторов, предшествующей неустойке и упущенной выгоде.

Целью понижения очередности удовлетворения требования о взыскании неустойки вызвано необходимостью уравнивать условия для всех кредиторов. Однако данное решение имеет и негативный эффект, ослабляющий неустойку как обеспечение обязательства. Рядом юристов данное обстоятельство дезавуирует неустойку как обеспечение обязательства в силу того, что последняя не обеспечивает интересы кредитора на случай банкротства должника [1]. Однако данная позиция не является бесспорной и несмотря на кажущуюся простоту института неустойки в отношении ее правовой природы встречаются различные точки зрения. Так Гонгало Б.М. исходит из того, что неустойка совмещает в себе и способ обеспечения исполнения обязательства, и меру ответственности [2].

В юридической литературе встречается мнение о близости институтов заранее оцененных убытков и неустойки, что по своей правовой природе фактически сводит неустойку к договорной презумпцию несения кредитором убытков в случае просрочки исполнения должником обязательств [3]. Данная презумпция относится к категории опровержимых, и кредитор вправе доказать, что фактически причиненные убытки превышают размер неустойки в порядке п. 1 ст. 394 ГК РФ. Должник же в свою очередь вправе доказать, что неустойка превышает любые разумные убытки, которые мог бы понести кредитор вследствие неисполнения обязательства в порядке ст. 333 ГК РФ.

При этом размер подлежащей взысканию неустойки подлежит определению в соответствии с адекватной теорией, которая получила развитие в трудах Рюмелина и Трэгера. Согласно этой теории, только такие негативные последствия, ставшие следствием противоправного поведения, возлагаются на лицо, обязанное к возмещению убытков, наступление которых не казалось бы полностью невероятным в момент данного события с точки зрения опытного наблюдателя. Те же последствия, которые стали бы совершенно неожиданными, не могли обременять обязанное к возмещению лицо и как сугубо случайный вред возлагались бы на лицо, которое они затрагивают [4].

Вывод о том, что заранее оцененные убытки поддаются тому же регулированию, что и неустойка содержится в практике СКЭС ВС РФ по делу ООО «ПСК Согласие» к ООО «Интерлизинг» [5] и свидетельствует об

одной правовой природе данных институтов. В рамках вышеупомянутого спора Верховный Суд рассматривал вопрос о существенном превышении размера заранее оцененных убытков над реальными и допустил снижение размера заранее оцененных убытков в порядке пункта 5 статьи 393 ГК РФ, сведя тем самым правовое регулирование заранее оцененных убытков к правовому регулированию неустойки.

При этом неустойка может обеспечивать как убытки в виде упущенной выгоды, так и убытки в виде реального ущерба, которые учитываются в разных очередях реестра требований кредиторов.

Ввиду того, что по общему правилу в силу пункта 1 статьи 394 ГК РФ, убытки имеют зачетный характер по отношению к неустойке, в случае если просрочкой исполнения обязательства, обеспеченного неустойкой, был причинен реальный ущерб, кредитор будет иметь право только на включение неустойки в реестр требований кредиторов в очередь после погашения основной задолженности.

Имеет место парадоксальная ситуация, когда кредитор по необеспеченному неустойкой обязательству будет находиться в привилегированном положении по отношению к кредитору, чьи требования, обеспеченны неустойкой. Кредитор, обеспечивший свои требования неустойкой, будет претерпевать негативные последствия своей предосторожности, что по смыслу действующего правового регулирования недопустимо. Из чего следует, что буквальное толкование положения п. 3 ст. 137 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в ситуации, когда действиями должника кредитору причиняются убытки в виде реального ущерба по обязательству, обеспеченному неустойкой, влечет откровенную несправедливость, ставит кредитора по необеспеченному неустойкой обязательству в реестре требований кредиторов выше, чем кредитора по обеспеченному неустойкой обязательству.

С точки зрения обеспечения стабильности оборота, такое буквальное толкование положений действующего законодательства противоречит принципу справедливости во всяком случае в том смысле, который придается принципу справедливости Конституционным Судом РФ [6].

Целью включения в договор условия о неустойке является обеспечение интересов кредитора, путем как упрощения доказывания убытков,

так и стимулирование должника к добросовестному исполнению обязательства, так как должник не может не понимать, что в случае просрочки исполнения обязательства, он неминуемо в упрощенном с точки зрения доказывания порядке обязан будет выплатить кредитору справедливую компенсацию понесенных убытков.

Обеспечение обязательства кредитора не может вести к ухудшению его положения по сравнению с необеспеченными обязательствами.

Выходит, что кредитор, требования которого не обеспечены неустойкой находится в привилегированном положении по отношению к кредиторам, требования которых обеспечены неустойкой, когда речь заходит о включении в реестр требований кредиторов реального ущерба.

Упомянутая откровенная несправедливость до настоящего момента не была разрешена ни на законодательном уровне, ни на уровне судов высшей инстанции. При этом кардинального изменения законодательства для этого не требуется.

Несмотря на то, что вопрос о судебном правотворчестве и сегодня является актуальной проблемой, факт того, что разъяснения судов высшей инстанции обладают обязательной силой для судов нижестоящих инстанций, пожалуй, является общим местом для всех юристов. К этому же выводу приходит и бывший председатель Экономической Коллегии Верховного Суда Российской Федерации [7].

Рассматриваемая проблема может быть с легкостью решена разъяснением суда высшей инстанции, которым положению п. 3 ст. 137 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» будет придан статус презумпции.

Так кредитор по общему правилу будет иметь право включить в реестр требований кредиторов в очередь, следующую за третьей очередью реестра требований кредиторов, неустойки без предоставления дополнительных доказательств относительно ее размера или неблагоприятных последствий. При предоставлении дополнительных доказательств, подтверждающих, что действиями должника кредитору был причинен реальный ущерб, который в силу положения ст. 394 ГК РФ зачитывается в счет неустойки, кредитор вправе рассчитывать на «повышение» требований о взыскании неустойки в пределах размера причиненного должником реального ущерба, в оставшейся части требования о взыскании неустойки

подлежат включению в очередь, следующей за третьей очередью реестра требований кредиторов.

Таким образом, несправедливость в вопросе определения очередности удовлетворения требований кредитора, обеспеченного неустойкой, о возмещении реального ущерба может быть преодолена изящным и простым способом — разъяснением суда высшей инстанции.

Список литературы

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017 (автор комментария к ст. 329 ГК РФ — Р. С. Бевзенко)
2. Гонгало Б. Н. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. С. 54.
3. «Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации» (отв. ред. А. Г. Карапетов) («М-Логос», 2022), пункт 1.8.
4. Егоров, А. В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. — М.: Статут, 2006. С. 68–137
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2023 N 307-ЭС22–18849 по делу N А56–32857/2021
6. Методологические подходы к определению понятия «справедливость» в конституционном правосудии (Вилова М.Г.) («Конституционное и муниципальное право», 2022, N 5)
7. Свириденко, О. М. Судебная практика — источник российского права? / О. М. Свириденко // Современное право.— 2010.— № 10. — С. 64–65

УДК 349.6

О международных правовых актах, регулирующих общественные отношения в сфере экологического туризма

Лубнина Анастасия Вячеславовна

аспирант Российского государственного университета правосудия

***Аннотация:** Экологический туризм является достаточно популярным направлением туристической деятельности, вместе с тем законодательство Российской Федерации не содержит легального определения указанного термина. В то же время отдельные положения отечественных правовых актов затрагивают вопросы правового регулирования экологического туризма. В статье рассмотрены основные международные правовые акты, регулирующие отдельные аспекты экологического туризма, а также их взаимосвязь с положениями законодательства Российской Федерации. Автором предпринята попытка определения места законодательства об экологическом туризме в системе права России.*

***Abstract:** Ecological tourism is a rather popular direction of tourist activity, at the same time the legislation of the Russian Federation does not contain a legal definition of the said term. Meanwhile, some provisions of domestic legal acts touch upon the issues of legal regulation of ecological tourism. The article considers the main international legal acts regulating certain aspects of ecological tourism, as well as their interrelation with the provisions of the legislation of the Russian Federation. The author attempts to determine the place of legislation on ecological tourism in the system of Russian law.*

***Ключевые слова:** экологический туризм, природная среда, международные правовые акты, система права.*

***Keywords:** ecotourism, natural environment, international legal acts, legal system.*

Экологический туризм для России все еще остается достаточно новым и не вполне понятным явлением. Несмотря на то, что указанный вид туризма декларируется как приоритетный, критерии, позволяющие отделить эко-туризм от других видов туристской деятельности, законодательно не определены [1, с. 8; 2, с. 80; 3, с. 37].

Общественные отношения в сфере экологического туризма наряду с иным общественным отношениям в туристической сфере охватывают

деятельность, направленную на реализацию частного интереса, а также осуществление органами государственной власти и местного самоуправления властных полномочий в отношении субъектов туристской деятельности и неопределенного круга лиц, в связи с чем указанные отношения регулируются как нормами частного права (заключение договоров о продвижении и реализации туристического продукта, страхование гражданской ответственности туристического оператора, оказания туристических услуг), так и нормами публичного (соблюдение условий осуществления туроператорской и турагентской деятельности, получение статуса экскурсовода (гида), гида-переводчика, инструктора-проводника) [5, с. 6]

В связи с тем, что правовая система Российской Федерации является единой, развивающейся и многоуровневой системой форм права, включающей подсистемы национального и международного права, состоящие из элементов — форм национального и (или) международного права, для установлении места законодательства об экологическом туризме в указанной системе необходимо проанализировать правовые нормы, содержащиеся не только в нормативных правовых актах, принятых на территории России, но и в общих принципах российского и международного права, российских и международных правовых договорах и обычаях [4, с. 26–27; 36; 65].

К основным международным правовым актам, содержащим положения, регулирующие отдельные аспекты экологического туризма, относятся Хартия туризма (одобрена резолюцией I VI сессии Генеральной ассамблеи Всемирной туристской Организации, София, 22 сентября 1985 года), Манильская декларация по мировому туризму (принята Всемирной конференцией по туризму, проходившей в Маниле (Филиппины) 27 сентября — 10 октября 1980 года), Гагская декларация по туризму (принята Межпарламентской конференцией по туризму, проходившая в Гааге 10–14 апреля 1989 года), Документ Акапулько (принят Всемирным совещанием по туризму, Акапулько (Мексика), 21–27 августа 1982 года), Повестка дня на XXI век (принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года), Глобальный этический кодекс туризма A/RES/58/212 (принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 2001 года). Рассмотрим подробнее каждый из ука-

занных документов во взаимосвязи с положениями российских правовых актов, регулирующих отношения в сфере экологического туризма.

Хартия туризма закрепляет право местного населения на свободный доступ к туристским ресурсам, сопряженное с обязанностью «обеспечить своим отношением и поведением бережное отношение» к объектами природной среды, используемым в туризме. Также Хартия определяет в качестве необходимого условия для формирования действенного механизма защиты природных ресурсов реализацию права местного населения и туристов на доступ к информации о растительном и животном мире и иных природных ресурсах, подлежащих защите.

Манильская декларация по мировому туризму обозначает роль природных объектов в формировании туристической привлекательности государства как ведущую, отмечает хрупкость и уязвимость природных объектов и экосистем и указывает на необходимость обеспечения контроля за использованием природных ресурсов в процессе оказания туристических услуг. Кроме того, указанная декларация акцентирует внимание на обязательном учете интересов локального сообщества в ходе осуществления туристической деятельности.

В соответствии с принципом 3 Гаагской декларации по туризму «неиспорченная естественная окружающая среда» наряду с культурной и человеческой средой является основным условием развития туризма. Указанная декларация отмечает «глубокую взаимосвязь между туризмом и окружающей средой», выражающуюся в непосредственном влиянии степени рациональности управления туризмом на защиту и развитие окружающей среды, а также на повышение уровня жизни. Кроме того, декларация определяет ряд мер, позволяющих снизить негативное воздействие туризма на окружающую природную среду. К таким мерам в частности относятся информирование и просвещение туристов о необходимости бережного отношения к природным объектам, выступающим в качестве туристических ресурсов, а также определение уровня «пропускной способности» посещаемых природных территорий, организация учета посещений природных территорий, осуществление контроля за соблюдением установленного предельного значения количества посетителей, включая введение ограничений доступа к природным достопримечательностям в определенные периоды или сезоны.

Документом Акопультко в качестве рекомендации по развитию туризма предложено привлечение широкого круга заинтересованных лиц к координации действий «по охране окружающей среды, экологической структуры и природного наследия государства», а также к организации «оптимального использования существующих и потенциальных туристских ресурсов», включая природное наследие страны.

Повестка дня на XXI век определяет экологический туризм как один из наиболее приоритетных и безопасных способов использования отдельных природных ресурсов, а также фиксирует взаимосвязь между осуществлением экологического туризма и повышением экономической ценности природных объектов, а также повышением уровня благосостояния населения.

Согласно статье 3 Глобального этического кодекса туризма A/RES/58/212 экологический туризм является одной из «особо обогащающих и ценных форм туризма». Столь высокая оценка значения экологического туризма объясняется соблюдением баланса между сохранением природных ресурсов и экономической выгодой местного населения при оказании экотуристских услуг. Кодекс устанавливает обязанность бережного отношения к природной среде и ресурсам для всех участников туристического процесса, определяет меры снижения антропогенного воздействия на природные объекты (рациональное распределение туристов по точкам туристического притяжения, создание объектов туристической инфраструктуры, ответственное отношение к сохранению природы со стороны профессиональных участников туристической деятельности, учет при планировании посещений природных объектов туристами степени уязвимости каждой экосистемы).

Основные принципы правового регулирования отношений в сфере экологического туризма, сформулированные в перечисленных международных актах, нашли свое отражение в действующем российском законодательстве. Так, право на доступ местного населения к природным ресурсам, являющимся объектами туристического показа, право на доступ к информации о природных объектах, нуждающихся в защите, необходимость определения «пропускной способности» природной территории для снижения возможного негативного воздействия на экосистему, обязан-

ность бережно относиться к природе, привлечение заинтересованных лиц к взаимодействию в целях обеспечения охраны окружающей среды и принятию решений о возможностях использования природных объектов в качестве туристических ресурсов закреплены в Конституции Российской Федерации, в законах «Об охране окружающей среды», «О животном мире», Лесном кодексе, а также в подзаконных актах Правительства Российской Федерации и Министерства природных ресурсов и экологии.

Таким образом, общие принципы международного права, связанные с регулированием общественных отношений в сфере природоориентированного туризма в полной мере отражены в российских законодательных актах, регламентирующих отдельные аспекты экологического туризма.

Экологический туризм в России направлен не только на удовлетворение потребностей туристов в посещении нетронутых уголков дикой природы, но и на сохранение природного достояния государства путем установления правового режима природных объектов и экосистем, используемых в туристической деятельности, осуществления контрольных полномочий в отношении соблюдения указанного правового режима неопределенным кругом лиц, а также путем формирования экологической культуры в обществе воспитания бережного отношения к природе, популяризации рационального использования природных ресурсов.

С учетом изложенного, можно сделать вывод о преимущественном правовом регулировании общественных отношений в сфере экологического туризма нормами природоресурсного (отношения, связанные с использованием при оказании экотуристских услуг лесов, земельных участков, водных объектов, недр, объектов животного и растительного мира, атмосферного воздуха) и природоохранного (отношения, связанные с охраной окружающей среды от негативного воздействия экологического туризма) законодательства.

Таким образом, специфика правового регулирования общественных отношений в сфере экологического туризма связана с реализацией принципа приоритета публичных интересов (формирование ответственного отношения к природе, сохранение природного потенциала и заповедного фонда России для будущих поколений, создание основы для экологического благополучия государства) над частными (получение прибыли

в результате организации туризма с использованием природных объектов и экосистем). Ориентация на удовлетворение в первую очередь публичных интересов при оказании туристических услуг определяет социальную значимость экологического туризма и обуславливает заинтересованность государства в развитии данного вида туризма.

Список литературы

1. Афанасьев О.Е., Афанасьева А. В. Концепт «Экологического туризма» в мировой и российской практике: компаративный анализ и кейсы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. № 4. С. 7–25.
2. Богатырева Д. С. Экологический туризм: компаративный анализ определений // Известия ВГПУ. 2015. № 9–10. С. 78–83.
3. Васильева М.И. К юридическому определению понятия экологического туризма // Lex Russica. 2020. № 4. С. 34–51.
4. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. — М.: РГУП, 2018—625 с.
5. Литаренко Н.В. К вопросу о построении современной системы регулирования туризма // Туризм: право и экономика. 2023. № 2. С. 5–9.

УДК 343

К вопросу проблем уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних

Мустафаева Мавиле Муслимовна

студент факультета Подготовки специалистов для судебной системы
Российского государственного университета правосудия

Аннотация: Статья посвящена исследованию квалификации ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Рассмотрено определение личной безопасности несовершеннолетнего, в также особенности данной категории. Автором выдвигаются идеи относительно совершенствования действующего законодательства, в виду необходимости регулярного улучшения отечественных

норм, а также назначения соразмерных мер ответственности. В работе проанализирована проблематика, исследование которой позволит устранить трудности в назначении санкций, а также упростит толкование уголовно-правовых норм в преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Abstract: *The article is devoted to the study of qualification of non-violent crimes against sexual inviolability of minors. The definition of personal safety of a minor is considered, as well as the peculiarities of this category. The author puts forward ideas regarding the improvement of the current legislation, in view of the need for regular improvement of domestic norms, as well as the appointment of proportionate measures of responsibility. The work analyzes the problematics, the study of which will eliminate difficulties in the assignment of sanctions, as well as simplify the interpretation of criminal law norms in crimes against the sexual inviolability of minors.*

Ключевые слова: *половая свобода, половая неприкосновенность, несовершеннолетний, уголовное наказание, права человека, преступление.*

Keywords: *sexual freedom, sexual integrity, minor, criminal punishment, human rights, crime.*

В соответствии со ст. 22 Конституцией РФ «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [1]. Исследователь Р. С. Даелян указывала, что «обеспечение половой неприкосновенности детей и подростков всегда было в числе приоритетов российской уголовной политики» [2].

Вопрос соотношения половой неприкосновенности несовершеннолетних и нравственной безопасности имеет дискуссионный характер. В частности, момент возрастных пределов, которые регламентированы в законе при совершении преступлений подобного характера. Половая свобода как право, функционирующее в пределах личной жизни, начинается с момента достижения лицом возраста шестнадцати лет. Категория половой неприкосновенности распространяется на субъекты, не достигшие шестнадцати лет при определении объекта преступного деяния в области половой свободы. В соответствии с этим, лицо, достигшее шестнадцати лет, имеет право самостоятельно распоряжаться вопросами сексуального характера. Вместе с тем, такой возрастной ценз не соотносится с понятием дееспособности, которая наступает в момент наступления восемнадцати лет.

Вместе с тем, в правоприменении, при назначении наказания возникает ряд трудностей в вопросе квалификации. В частности, ч. 2 ст. 134

УК РФ регламентирует меры наказания за мужеложство и лесбиянство в отношении несовершеннолетнего. Квалифицированным составом является ответственность за реализацию преступного деяния в отношении потерпевшего, достигшего четырнадцати лет. Вместе с тем, содержание диспозиции ст. 134 УК РФ не соотносится с ее содержанием, поскольку в квалифицированном составе отсутствует регламентация иных действий сексуального характера. Данный момент формирует пробел, исключающих применение мер наказания к субъектам, реализовавшим иные общественно опасные деяния с несовершеннолетним, сексуальной направленности. Иные действия при отсутствии применения насилия могут быть рассмотрены как преступление по ст. 135 УК РФ, которая регламентирует менее строгую санкцию, не соотносимую со степенью опасности реализованного деяния.

В виду этого, целесообразно внести корректировки в ч. 3 ст. 134 УК РФ и закрепить указание на «иные действия сексуального характера» в виду необходимости функционирования данной уголовно-правовой статьи в соответствии со степенью общественной опасности подобного посягательства.

Несовершенства уголовной нормативно-правовой основы также заключается и в отсутствии специального субъекта противоправного деяния. Изучение статистических показателей, позиции исследователей свидетельствуют о том, что субъектами преступления такого характера являются как незнакомые лица, так и родственники. Стоит отметить, что реализация преступного деяния в области половой неприкосновенности несовершеннолетнего родственником существенно повышают степень общественной опасности содеянного. В виду этого, целесообразна регламентация специальных субъектов преступления, в частности, родителей или лиц, приравненных к ним, а также иного родственного окружения несовершеннолетнего, которое осуществило преступный умысел.

Кроме этого, практика назначения наказания относительно ненасильственных преступлений полового характера в отношении несовершеннолетних указывает о ряде трудностей, которые появляются при разграничении ненасильственных составов преступлений, предусмотренных ст. 134

и 135 УК РФ, где потерпевшими лицами являются малолетние и лица, не достигшие возраста восемнадцати лет.

Целесообразными изменениями является регламентация отдельного квалифицирующего состава развратных действий, совершенных «с применением насилия, с угрозой его применения, а также с использованием беспомощного состояния потерпевшего». Кроме того, разрешить данное несовершенство возможно за счет регламентации особо квалифицирующего состава развратных действий, что станет фундаментом их дальнейшего разделения с иными действиями сексуального характера. Подобная новелла позволит исключить из примечания. ст. 132 УК РФ потребность квалификации по п. «б» ч. 4 деяний, попадающих под характеристики ч. 2 ст. 135 УК РФ, что в последующем предотвратит трудности в правоприменении.

Исследователь А. Д. Оберемченко указывал, что «Половая неприкосновенность несовершеннолетних и преступления, предусмотренные п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, обладают несовпадающими объективными характеристиками и различной общественной опасностью» [3].

Стоит отметить, что отсутствие указания относительно физического насилия носит спорный характер. Стоит отметить, что в подобной ситуации может присутствовать психическое насилие на жертву, которое может проявляться в словесном давлении к действиям сексуального характера.

Таким образом, безопасность несовершеннолетнего носит системный характер, поскольку включает не только физическую, но и психологическую, интеллектуальную и духовную единицу. Конкретизация половой свободы несовершеннолетнего — момент, на который следует обратить внимание, поскольку данный фактор позволит обеспечить половую защищенность несовершеннолетних.

В вопросе корректировки УК РФ необходимо добавить специальный субъект преступления в области преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, конкретизировать ст. 135 УК РФ в области закрепления отсутствия физического насилия, что позволит грамотно толковать статью. Указанные корректировки положительно скажутся на квалификации преступлений подобной направленности и позволят улучшить действующее законодательство.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Данелян Рита Суменовна, Данелян Сергей Владимирович, Амиянц Константин Аркадьевич Актуальные вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-kvalifikatsii-prestupleniy-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-nesovershennoletnih> (дата обращения: 11.01.2024).
3. Оберемченко А. Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. — 24 с. / Библиотека диссертаций [сайт]: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/razvratnye-dejstviya-ugolovno-pravovaja-harakteristika-i-problemykvalifikacii.html>. (дата обращения: 15.09.2018).

УДК 34

Обоснованность оправдательного и обвинительного приговора

Сергеев Никита Иванович

студент магистратуры Российского государственного университета правосудия

***Аннотация:** В данной статье проводится анализ правового регулирования, сущности и видов приговоров в уголовном процессе; осуществляется изучение одного из основных законодательно определенных требований к оправдательному и обвинительному приговору — требования обоснованности. В процессе написания статьи автором делаются выводы о возможности последующего совершенствования правового регулирования и теоретического закрепления обоснованности как неотъемлемого признака оправдательного и обвинительного приговора в уголовном процессе.*

***Abstract:** This article analyzes the legal regulation, essence, and types of sentences in the criminal process; the study of one of the main legally defined requirements for acquittal and con-*

viction — the requirement of reasonableness — is carried out. In the process of writing the article the author concludes about the possibility of further improvement of legal regulation and theoretical consolidation of validity as an integral feature of acquittal and conviction verdict in the criminal process.

Ключевые слова: приговор, уголовный процесс, обоснованность приговора, оправдательный приговор, обвинительный приговор.

Keywords: verdict, criminal trial, validity of the verdict, acquittal, guilty verdict.

В современном уголовном процессе приговор является одним из видов судебного решения, вынесенного по результатам рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу. В силу вынесения обвинительного приговора как утверждения суда лицо, обвешавшееся в совершении вменяемого ему преступления, признается виновным в осуществлении действий (бездействий), преследуемых по уголовному закону. Вынесение обвинительного приговора согласно уголовно-процессуальному законодательству является основанием для применения к виновному лицу определенных мер государственного принуждения, ограничивающих права и свободы человека и гражданина на законном основании. Вынесение же оправдательного приговора свидетельствует о невиновности лица в совершении преступления. Как свидетельствует практика, менее 1% в результате рассмотрения уголовного дела судом добиваются оправдательных приговоров, то есть в настоящее время допустимо говорить о том, что уголовное судопроизводство по фактам совершения преступления в действительности имеет обвинительный уклон.

Приговор — одно из решений суда в уголовном процессе. В целом, в науке имеются схожие определения сущности приговора как одного из судебных актов, принимаемых в рамках уголовного судопроизводства. На основании проведенного анализа теоретических положений необходимо отметить, что приговором в уголовном процессе следует именовать решение суда, принятое по результатам проведения судебного разбирательства, содержащее указание на виновность / невиновность подсудимого в совершении преступления, а также на применяемые к указанному лицу меры наказания либо на реабилитацию в установленном порядке. Приговор

представляет собой основное и окончательное (итоговое) решение суда, направленное на решение задач уголовного процесса, завершающее производство по уголовному делу. В соответствии со ст. 5 УПК РФ приговор может быть определен как решение суда первой или апелляционной инстанции о невиновности или виновности подсудимого, о назначении ему наказания либо об освобождении от наказания. Специфическими чертами приговора как итогового решения суда по соответствующему уголовному делу необходимо признавать следующие положения: приговор — это единственный в уголовном процессе итоговый судебный акт, выносимый от имени Российской Федерации; приговор — это итоговый судебный акт, который разрешает уголовное дело по существу; приговор — это судебное решение, выносимое в целях утверждения виновности или невиновности подсудимого в совершении вменяемого ему преступления; приговор — это единый процессуальный акт суда, которым вопросы факта и вопросы права разрешаются в совокупности в одном решении; приговор — это единственный судебный акт, на основании которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение преступления, преследуемого уголовным законодательством.

К требованиям, предъявляемым к приговору на основании уголовно-процессуального законодательства целесообразно относить законность, обоснованность (мотивированность), полноту, объективность, справедливость. Указанные требования в настоящее время прямо не обозначены в уголовно-процессуальном законодательстве как критерии уместности приговора, но все же названы в отдельных статьях УПК РФ, посвященных окончанию судебного производства с вынесением решения.

Необоснованный приговор не подлежит не только постановлению по уголовному делу, но и последующей реализации, так как это противоречит как принципам международного права, так и базовым конституционным положениям. Требование обоснованности приговора подразумевает, что вынесенное судебное решение основано на собранных в процессе уголовного судопроизводства доказательствах. Обоснованность приговора в целом отражает его мотивированность и правомерность вынесения на основании всех собранных проанализированных материалах конкретного уголовного дела.

Требование обоснованности приговора подразумевает, что вынесенное судебное решение основано на собранных в процессе уголовного судопроизводства доказательствах. Обоснованность приговора в целом отражает его мотивированность и правомерность вынесения на основании всех собранных проанализированных материалах конкретного уголовного дела.

В соответствии с доктриной уголовного процесса требование обоснованности приговора, в том числе и обвинительного, довольно близко связано с требованием, не отраженным в законодательстве, но существующем в действительности — с требованием мотивированности приговора. Мотивирование судебных актов выполняет ведущую и «решающую роль относительно их обоснованности и законности, определяя тем самым в итоге юридическое качество судебных актов, являясь — столь же диалектически — одновременно ее составляющей».

На основании изучения нормативных и теоретических положений относительно требований к обвинительному приговору необходимо отметить, что мотивированность указанного судебного акта в целом представляет собой внешнее выражение его обоснованности. С учетом результатов изучения актуальных теоретических положений и судебной практики целесообразно говорить о том, что мотивированность судебного решения, в том числе приговора, представляет собой юридическое свойство названного решения, характеризующее факт вынесения решения на основании собранных и представленных доказательств. То есть мотивированность — это взаимосвязь выводов суда, отраженных в решении (приговоре) с материалами уголовного дела.

Мотивированность в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства является одним из требований к основным процессуальным документам (постановлениям следователя, прокурора и т.д.). В силу указанного представляется нелогичным и нецелесообразным не указание в УПК РФ такого требования к приговору, в том числе к обвинительному, как мотивированность. Полагаем, что необходимым в настоящее время является совершенствование норм действующего уголовно-процессуального законодательства не только путем включения мотивированности в состав требований к приговору как к одному из основных судебных актов, но и путем определения сущности и критериев указанного требова-

ний. По нашему мнению, законодательное закрепление именно всех требований на практике будет способствовать исключению случаев незаконного и необоснованного постановления указанного судебного решения, а также снижению количества случаев обжалования обвинительных приговоров как вынесенных без достаточных на то оснований.

Факты вынесения немотивированных судебных решений, по моему мнению, могут встречаться лишь тогда, когда производство по уголовному делу осуществляется непрофессиональным судьей либо в нарушение установленных законодательством требований. Одним из примеров вынесения подобного решения является факт вынесения вердикта присяжных, когда решение по делу фактически принимается непрофессиональными судьями без последующей мотивированности. Вынесение немотивированного судебного решения, особенно приговора, с нашей точки зрения, обуславливает последующую невозможность обжалования названного решения суда в вышестоящих инстанциях.

Как свидетельствует практика, оправдательный приговор выносится при наличии каких-либо сомнений в причастности лица к совершению определенного преступления. Данные сомнения в действительности могут быть обусловлены отсутствием необходимо совокупности доказательств, подтверждающих факт причастности лица к совершению преступления; недоработками органов предварительного следствия; внутренним убеждением суда и т.д. Ограничение в виде невозможности вынесения оправдательного приговора при отсутствии достаточных сведений о непричастности лица к совершению преступления, по моему мнению, оказывало бы существенное негативное влияние на защиту прав и свобод указанного субъекта.

Обвинительный приговор согласно УПК РФ постановляется лишь в том случае, если причастность и виновность лица в отношении совершения какого-либо преступления, подпадающего под запрет УК РФ, доказаны в установленном порядке посредством надлежащего и законного проведения как предварительного следствия по делу, так и судебного разбирательства в суде первой инстанции. В частности, при постановлении обвинительных приговоров судами обращалось внимание на собранную по уголовному делу совокупность доказательств совершения преступле-

ния, причастности к преступной деятельности определенного лица. В указанных судебных решениях судами было указано не только на виновность лица, но и правильность осуществления предварительного расследования уголовного дела, и отсутствие нарушений со стороны органов следствия и т.д.

Таким образом, на основании вышеизложенного стоит отметить, что в уголовном процессе судом может быть вынесен как обвинительный, так и оправдательный приговор. В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует четкий перечень юридических свойств приговора. В связи с указанным представляется необходимым внести изменения в УПК РФ путем законодательного закрепления перечня свойств (требований), которым должен соответствовать как обвинительный, так и оправдательный приговор. При этом под обоснованностью и обвинительного, и оправдательного приговора следует понимать мотивированность и правомерность вынесения на основании всех собранных проанализированных материалах конкретного уголовного дела соответствующего приговора.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174-ФЗ // «Российская газета» от 22.12.2001 года № 249.
2. Александрова О. Ю. Соотношение свойств приговора и требования, предъявляемых к нему // Вестник Сибирского юридического института МВД России.— 2011.— № 1 (9). — С. 43–51.
3. Ахмедов У.Н., Ситников К. А. Законность и обоснованность как ключевые требования, предъявляемые к уголовно-процессуальному решению // Вестник Воронежского института МВД России.— 2019.— № 3. — С. 173–179.
4. Корнакова С.В., Щербаков В. А. Обоснованность и мотивированность приговора суда: критерии дифференциации понятий // Юридическая наука и правоохранительная практика.— 2018.— № 2 (44). — С. 108–114.

УДК 347.121.1

Компенсация морального вреда в рамках законодательства РФ

Крайнов Павел Евгеньевич

магистрант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

***Аннотация:** В статье анализируется институт компенсации морального вреда в законодательстве Российской Федерации. Рассматриваются исторические аспекты его возникновения, законодательное закрепление и развитие, а также судебная практика и тенденции в области возмещения морального вреда. Особое внимание уделяется вопросам определения морального вреда, условиям его возмещения, а также проблематике определения размера компенсации. Автор анализирует статистические данные, позицию Верховного Суда РФ и приводит примеры из судебной практики, подчеркивая значимость справедливого возмещения морального вреда в рамках обеспечения защиты прав и свобод граждан.*

***Abstract:** The article analyzes the institute of compensation for moral harm in the legislation of the Russian Federation. Historical aspects of its origin, legislative recognition, and development, as well as judicial practice and trends in the field of compensation for moral harm are considered. Special attention is paid to the issues of determining moral harm, the conditions of its compensation, as well as the problems of determining the amount of compensation. The author analyzes statistical data, the position of the Supreme Court of the Russian Federation and gives examples from court practice, emphasizing the importance of fair compensation for moral harm in the framework of ensuring the protection of the rights and freedoms of citizens.*

***Ключевые слова:** компенсация морального вреда, законодательство РФ, судебная практика, Верховный Суд РФ, неимущественные права, определение размера компенсации, защита прав граждан.*

***Keywords:** compensation for moral damage, Russian Federation legislation, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation, non-pecuniary rights, determination of compensation amount, protection of citizens' rights.*

В статье 2 Конституции Российской Федерации закреплен принцип, согласно которому личность, ее права и свободы имеют первостепенное значение, а государство обязано обеспечивать, уважать и охранять их. Это означает обязанность государства защищать права и свободы граждан,

в том числе их личные нематериальные права, такие как право на достоинство, честь и репутацию в деловых отношениях.

Моральный вред возникает в результате ущемления личных нематериальных прав и может возникнуть в результате различных обстоятельств, в том числе клеветы, оскорбления, нарушения конфиденциальности и других. Физические лица имеют право требовать компенсации за моральный вред, когда он возник.

Таким образом, создание правовой базы, гарантирующей защиту прав и свобод граждан, в том числе защиту от морального вреда, выступает важнейшим аспектом построения социально ориентированного правового государства в России [8]. Данные Судебного департамента Верховного Суда РФ свидетельствуют о заметном всплеске дел, касающихся защиты нематериальных интересов граждан, в том числе случаев взыскания компенсации морального вреда [20]. Это говорит о том, что в современной юридической практике моральный вред играет важнейшую роль как механизм защиты личных неимущественных прав граждан. Особого внимания заслуживает то, что значительную часть составляют дела о возмещении морального вреда, влияющего на благополучие и здоровье граждан, и они связаны с существенными исками.

Включение понятия компенсации морального вреда в российскую правовую систему произошло сравнительно недавно. Первоначальное признание права на возмещение морального вреда произошло с введением в действие Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» 12 июня 1990 г. [24]. Данный нормативно-правовой акт предоставил гражданам возможность добиваться компенсации морального вреда в случаях распространения о них ложной или уничижительной информации через каналы печатных СМИ. Таким образом, этот закон ознаменовал первый шаг в создании механизмов защиты нематериальных интересов граждан в рамках современного российского законодательства.

Дискуссии о необходимости введения компенсации морального вреда в российское право велись задолго до ее официального включения в законодательство конца XX века. Такие ученые и правоведы, как Л. И. Петражицкий [15], Г. Ф. Шершеневич [27] и другие обсуждали этот вопрос как в советское, так и в дореволюционное время.

Особого внимания заслуживают работы С. А. Беляцкина [3, 76], исследование которых заслуживает особого внимания. Беляцкин не только обосновал значимость введения института компенсации морального вреда, но и углубился в проблему определения надлежащего размера компенсации, которая остается актуальной в современном правовом дискурсе.

Таким образом, историческая траектория дискуссий и исследований по вопросам компенсации морального вреда подчеркивает непреходящую значимость этой темы в российской юридической науке. По мнению автора, с 1990-х годов в российском гражданском законодательстве получило распространение рассмотрение института компенсации морального вреда. Формализация этого института вызвала интерес многих известных ученых-юристов, стимулируя широкое исследование его нюансов и последствий.

Среди наиболее значимых современных исследований в этой области автор выделяет работы таких ученых, как Н. С. Малеин [9], М. Н. Малеина [10], А. И. Карномазов [7], А. Т. Табушкин [21], С. В. Нарижный [11] и других.

Эти исследователи внесли существенный вклад в понимание и развитие института компенсации морального вреда в российском законодательстве, проводя тщательный анализ, оценки и предлагая предложения по его совершенствованию. Работы, написанные упомянутыми авторами, имеют решающее значение для понимания современных тенденций и проблем, касающихся этого правового механизма.

В различных юрисдикциях мира подходы к определению и возмещению морального вреда могут существенно различаться. В российском законодательстве нормы, касающиеся морального вреда, закреплены в следующих нормативно-правовых актах:

- Гражданский кодекс Российской Федерации [4] устанавливает общие положения о возмещении морального вреда, предусмотренные статьями 151 и 152.
- ТК РФ [22] регулирует вопросы возмещения морального вреда, возникающего в сфере трудовых отношений, указанных в статьях 236 и 239.
- Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» [5] содержит положения, регулирующие возмещение морального вреда потребителям в случаях нарушения прав.

- Федеральный закон «О рекламе» [24] содержит положения о возмещении морального вреда в случаях нарушений законодательства о рекламе.
- Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [26] содержит положения о возмещении морального вреда туристам в случаях нарушения прав.
- Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [25] регулирует вопросы возмещения морального вреда в рамках информационных отношений.
- Других нормативно-правовых актах.

Каждый из перечисленных законов содержит отдельные характеристики и требования к условиям и порядку возмещения морального вреда. Тем не менее, могут возникнуть случаи, когда законодательные нормы не определены четко, что побуждает суды полагаться на всеобъемлющие принципы справедливости и рациональности при рассмотрении дел, связанных с моральным вредом.

Оценка компенсации морального вреда требует оценки различных факторов, в том числе интенсивности страданий, психологического стресса, порчи репутации, публичного унижения и других. Тем не менее, точный размер компенсации может колебаться в зависимости от конкретных обстоятельств дела и его судебной оценки.

В юрисдикциях, основой которых служит прецедентное право, сумма компенсации морального вреда как правило взыскивается с учетом уже сложившейся судебной практики. Тем не менее, ввиду уникальности каждого дела, судьи обычно обладают широкими полномочиями при определении суммы компенсации [14].

В Российской Федерации, как известно, судебный прецедент сам по себе юридической силы не имеет.

В этой связи введение установленных законом минимальных порогов компенсации морального вреда хотя бы по основным категориям дел может дать несколько преимуществ. Во-первых, это может обеспечить более предсказуемую и справедливую процедуру определения компенсации, поскольку стороны будут иметь четкое представление о минимальных суммах, подлежащих присуждению в конкретных случаях. Во-вторых, это

могло бы уменьшить вероятность произвольных решений судей и способствовать более единообразному применению закона.

Кроме того, введение минимальных сумм компенсации может обеспечить минимальный уровень защиты прав граждан, гарантируя, что даже в случае нарушения их личных неимущественных прав они будут получать некоторое возмещение за причиненные страдания не ниже определенной суммы.

Учитывая широкий спектр действий, которые могут причинить моральный вред согласно различным нормативно-правовым актам Российской Федерации, введение законодательно установленных минимальных сумм компенсации может помочь в обеспечении адекватной защиты интересов граждан в различных ситуациях, таких как уничтожение чести и достоинства, нарушение неприкосновенности личной или семейной жизни, и других аспектов индивидуальной идентичности.

Труд М. Н. Малеиной, посвященный сущности морального вреда, является важным вкладом в понимание этого понятия. Указанный широкий спектр состояний и проявлений, связанных с моральным вредом, подчеркивает его комплексность и многообразие последствий для психологического и физического благополучия человека. Описанные автором эмоциональные переживания, такие как опасения, чувство уязвимости, униженности и стыда, отражают разнообразные аспекты психологического воздействия морального вреда на человека и могут существенно влиять на качество жизни, а также социальную адаптацию пострадавшего.

Физические проявления морального вреда, такие как боли, ощущения удушья, тошноты и головокружения, демонстрируют тесную связь между психическим и физическим состоянием человека, подчеркивая комплексный характер его воздействия[10].

Российское законодательство предоставляет обширную правовую базу для взыскания компенсации за моральный ущерб, вызванный нарушениями личных неимущественных прав — Гражданский кодекс РФ (ГК РФ), Трудового кодекса РФ (ТК РФ), Закона о защите прав потребителей и другие нормативные акты позволяют защищать интересы пострадавших в различных областях жизнедеятельности.

При этом, исходя из системного толкования норм российского законодательства, регулирующих отношения в сфере возмещения морального вреда, следует, что по общему правилу, причиненный потерпевшему моральный вред, должен возместить непосредственный причинитель вреда (виновное лицо).

Исключением является статья 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая устанавливает особые случаи, когда компенсация морального вреда может быть взыскана независимо от наличия вины причинителя. Исключения предусматривают ситуации, когда лицо может быть признано ответственным за причинение морального вреда даже без доказательства его вины:

1. В случае действий, связанных с источником повышенной опасности, таких как аварии при использовании транспортных средств, на опасных производственных объектах, экологические катастрофы и другое.
2. Если лицо было незаконно осуждено и позднее оправдано, то компенсация морального вреда может быть взыскана без требования доказательства вины причинителя.
3. В случае незаконного ареста или обязательства о невыезде.
4. При наложении незаконных административных взысканий, которые позднее были отменены.
5. Если была распространена порочащая честь, достоинство и деловую репутацию информация, повлекшая за собой причинение морального вреда.

Кроме того, законодательство может предусматривать возможность взыскания компенсации морального вреда без установления прямой вины причинителя и в иных случаях. Некоторые примеры ситуаций, когда компенсация может быть взыскана без установления вины, включают:

1. Если произошло незаконное использование чужих произведений без разрешения правообладателя, даже если нарушитель не осознавал этого или не имел умысла на незаконное их использование.
2. Если конфиденциальная информация была раскрыта без согласия лица, её раскрывшего, могут быть взысканы компенсации независимо от намерений нарушителя.
3. При установлении судом факта любого нарушения прав потребителя.

В сценариях, изложенных в комментируемой статье в совокупности с рядом иных нормативно-правовых актов, компенсация морального вреда осуществляется независимо от того, установлена ли вина лица, причинившего вред. Это означает, что потерпевшему будет предоставлена компенсация в соответствии с законом, даже если отсутствует виновное лицо.

Решение законодателя об определении отдельных видов мер уголовного пресечения или административных взысканий в целях возмещения морального вреда может вызвать разногласия и вопросы, в частности относительно критериев отбора и включения в перечень конкретных видов санкций. Отсутствие в списке других мер уголовного пресечения или административных наказаний может породить неопределенность в применении этой нормы и оставить место для толкований и споров. В таких случаях может потребоваться дальнейшее обсуждение и разъяснение закона для обеспечения более четкого и предсказуемого применения закона.

Представленные данные из исследования, проведенного Адвокатской газетой и ссылающегося на ежегодный отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период 2018–2019 годов, указывают на то, что административный штраф является наиболее распространенной мерой административного наказания [1]. Обязательные работы применяются значительно реже, чем штрафы, и находятся на одном уровне с предупреждениями.

Предложение о внесении изменения в абзац второй статьи 1100 ГК РФ с целью либо уравнивать все виды мер пресечения и административных взысканий, либо выделить наиболее суровые или часто применяемые из них представляется логичным.

Постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 стало первым, которое обозначило позицию ВС РФ относительно морального вреда и разъяснило различные обстоятельства, которые могут повлечь моральные страдания, влекущие за собой необходимость его возмещения. К ним относятся посягательства на честь и достоинство, физические или психологические страдания, нарушения прав личности и другие формы нематериального вреда. Указанное постановление утратило силу в 2022 году с введением нового.

В то же время данные разъяснения стали важнейшим руководством для судов и практикующих юристов при рассмотрении дел, в которых компенсация морального вреда может быть признана обоснованной. Они способствовали более четкому разграничению критериев и предпосылок получения компенсации, тем самым способствуя более справедливому применению законодательства в этой сфере [17].

Отсутствие в законе явного упоминания о праве требовать компенсации морального вреда не ущемляет права потерпевшего добиваться такого возмещения. Суды при этом сохраняют за собой право опираться на сложившуюся практику и толкования аналогичных ситуаций при рассмотрении исков о возмещении морального вреда [18].

Постановление Пленума ВС РФ от 15 ноября 2022 г. № 33, заменившее вышеназванное Постановление, дало прямое расширенное толкование физических и нравственных страданий и предоставило более четкие указания судам по определению размера компенсации морального вреда. В частности, было запрещено снижать размер заявленных исковых требований без обозначения мотивов в судебном постановлении.

Показательным примером судебной практики является гражданский спор о взыскании компенсации морального вреда, рассмотренный Подольским городским судом Московской области (дело № 2–6555/22) [19], Московским областным судом (дело № 33–21779/2023) [2] и Первым кассационным судом общей юрисдикции (дело № 88–33091/2023) [16]. Суть спора сводится к возмещению морального вреда из-за полученного в ДТП ушиба. Суд первой инстанции решил иск удовлетворить частично — снизить в 3,5 раза заявленную сумму морального вреда, однако не указал те причины, которые в итоге повлияли на решение. Апелляционным определением Московского областного суда со ссылками на вышеназванное Постановление Пленума ВС РФ решение было отменено, моральный вред взыскан в заявленном объеме, а Постановлением кассационной инстанции Апелляционное определение оставлено без изменения, кассационная жалоба ответчика без удовлетворения.

Подводя итог, автор приходит к выводу, что по общему правилу право на получение компенсации морального вреда обусловлено конкретными условиями, которые включают в себя следующие основные элементы:

- Наличие физических или душевных страданий, испытываемых потерпевшим;
- Ущемление личных неимущественных прав потерпевшего;
- Виновные действия или бездействие лица, ответственного за причинение вреда;
- Между проступком и причиненным потерпевшему моральным вредом установлена прямая причинно-следственная связь.

Потерпевший сохраняет право требовать возмещения морального вреда в любом размере, который он сочтет целесообразным. Однако окончательное определение размера компенсации морального вреда находится в компетенции суда. Суд учитывает не только заявленную потерпевшим желаемую сумму, но и ряд критериев, предусмотренных статьей 1101 ГК РФ, которые служат основанием для определения размера компенсации морального вреда.

При рассмотрении дела о причинении морального вреда суд обязан учитывать все обстоятельства, имеющие отношение к конкретному делу, и выносить решение, исходя из принципов справедливости и законности.

Список литературы

1. «Адвокатская газета»// Учредитель — Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. 2017–2021
2. Апелляционное определение Московского областного суда по делу № 33–21779/2023 от 10.07.2023 г.
3. Беляцкий, С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997.— 75 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) принят Государственной Думой 21 октября 1994 года.
5. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 22.12.2020) «О защите прав потребителей».
6. Закон СССР от 12.06.1990 N 1552–1 «О печати и других средствах массовой информации».
7. Карномазов Андрей Иванович. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда: диссертация кандидата юридических наук. 2010.

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
9. Малеин, Н.С. О моральном вреде // Государство и право. 1993.— № 3.
10. Малеина, М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000.
11. Нарижный, С. В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. СПб.: Издательский дом Герда, 2001.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2018)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018)
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2016)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016)
14. Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 г. N 276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Веретенниковой Анны Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации»
15. Петражицкий, Л. И. Возмещение нематериального вреда // Вестник права. 1900.— №№ 11, 15, 16.
16. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 8Г-32442/2023 от 27.11.2023 г.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».
19. Решение Подольского городского суда Московской области по делу 2–6555/2022 от 22.11.2022 г.
20. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.
21. Табунщиков А. Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве / Под ред. д-ра юрид. наук С. В. Тычина. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.— 124 с.

22. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 05.04.2021).
23. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ
24. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ.
25. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ.
26. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N 132-ФЗ.
27. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995.— 556с.

УДК 343.2/.7

Сравнительный анализ доктрины эквивалентности и адекватной причинности: проблемы практического применения

Вышлова Анна Петровна

студент факультета Международных отношений Института международных транспортных коммуникаций Российского университета транспорта

***Аннотация:** в статье анализируется причинная связь между действием (бездействием) и наступлением общественно опасного последствия, через теории эквивалентной и адекватной причинности, а также проблемы и характерные особенности, связанные с применением на практике этих двух концепций, в частности в отечественной юриспруденции. Дана оценка уровню разработанности доктрин, с точки зрения методологий. На современном этапе развития уголовного права выявлен значительный субъективный фактор в определении квалификации преступления криминалистами в установлении или не установлении причинной связи, ввиду отсутствия точных и полных критериев выявления причинной связи в отечественном уголовном праве, что безусловно является предметом дискуссий.*

***Abstract:** The article analyzes the causal relationship between an action (inaction) and the onset of socially dangerous consequences through the theories of equivalent and adequate causality, as well as the problems and characteristic features associated with the application in practice of these two concepts, in particular in domestic jurisprudence. The level of development of the doctrines, in terms of methodologies, is assessed. At the present stage of development*

of criminal law, a significant subjective factor in determining the qualification of a crime by criminalists in establishing or not establishing a causal link due to the lack of accurate and complete criteria for identifying a causal link in domestic criminal law, which is certainly a subject for discussion.

Ключевые слова: причинная связь, уголовное право, адекватная причинность, общественно опасные последствия, эквивалентная теория, условие.

Keywords: causation, criminal law, adequate causality, socially dangerous consequences, equivalent theory, condition.

В уголовном праве причинная связь рассматривается в аспекте установления необходимой и достаточной для последующего вменения в вину связи между деянием лица и общественно опасными последствиями: лицо несет ответственность только за тот вредный результат, который оно причинило своим деянием. Наличие причинной связи между действием (бездействием) и наступившими вредными последствиями является обязательным условием уголовной ответственности лица [1]. А именно, установление того факта, что именно наступившие общественно опасные последствия порождены данными действиями (бездействием) лица, а не действиями третьих лиц либо каких-либо внешних сил [2]. Также, подчеркивая весомость уголовно-правового значения причинности стоит отметить, что она влияет на определение классификации преступления, следовательно стоит наряду с виной и общественной опасностью.

Исторически первая и наиболее распространенная является доктрина эквивалентной причинности, иначе известная как, *condition sine qua non* («условие, без которого нет»). Данная концепция заключается в том, что из всех обстоятельств, которые обуславливают причинение вреда, необходимо выделить основное условие, следовательно, будет считаться, что последствия наступали именно в результате главного условия. Если же причинная связь носит случайный характер, в таком случае, нет объективных предпосылок для привлечения к ответственности лица, совершившего действие (бездействие). Выделяя категории действительности и возможности, А. Пионтковский в своих трудах определил разницу между случайной и необходимой связью. Итак, при отсутствии реальной возможности

выявляется случайная, а именно: между закономерными последствиями и внутренне несвойственными действиями [3]. Однако, в случае необходимой связи реальная возможность преобразовывается, то есть наличие закономерных предпосылок влечет наступление предполагаемого явления.

Равнозначность условий привело к именно такому определению названия доктрины в уголовно-правовую теорию, как теория эквивалентности. Первый аспект теории строится на утверждении о том, что каждое из условий в равной степени должно рассматриваться в качестве причины преступного результата, но «с таким же правом может быть признана причиной явления всякая отдельная из этих сил, так как существование его зависит от каждой отдельной силы, что, если исключить единственную силу из причинной связи, то явление не произойдет» [4]. Методология установления деяния лица как необходимого условия наступления результата заключается в гипотетическом элиминировании. Итак, до наступления результата выявляются все предшествующие условия, после чего исключается предполагаемое действие, повлекшее соответствующий преступный результат. Далее, если в таком случае оказывается, что без исключенного действия последствие все же наступило, следовательно, либо не оно является главным, либо речь идет об отсутствии причинной связи, но если, наоборот, то делается вывод о том, что именно данное действие было необходимым условием для наступления результата, то есть, причиной.

Так, за неосторожное уничтожение государственного имущества не может нести ответственность секретарь А., которая, уходя после работы, оставила не выключенной электрическую плиту. Экспертиза установила, что склад был подожжен начальником склада, который использовал нарушение А. правил безопасности, для поджога с целью сокрытия хищения. Следовательно, А. нарушила правила пожарной безопасности, однако ее действия не являются необходимым условием пожара, ибо независимо от них поджог был осуществлен другим лицом.

При установлении того, что соответствующие условия не были необходимыми для наступления соответствующего вреда, детерминация обрывается. Следовательно, правонарушения, которые не являются необходимым условием наступления преступного результата, не могут стать их причиной.

Наличие причинности рассматривается в данной теории во всех случаях, когда действие лица предшествовало общественно опасному результату и являлось его главным условием. Не исключается связь и в следующих случаях: если незадолго до наступления общественно опасного результата произошло вмешательство других лиц, например, природных сил или потерпевшего; если последствия наступили исключительно из-за особой физической или психической конституции; если сознательная и мотивированная деятельность исполнителя не прерывала причинной связи между деятельностью соучастников и противоправным следствием.

Чрезмерное расширение оснований уголовной ответственности, ввиду уравнивания всех условий наступления общественно опасного результата является недостатком эквивалентной теории и обоснованно критикуется как в праве, так и в философии. Главными приверженцами теории являются криминалисты. На современном этапе все больше неудовлетворенных как теоретиков, так и практиков данной теорией. Однако, стоит отметить, что теория эквивалентности не определяет ясных критериев, выделяющих круг совокупно действующих сил. Поэтому критикуется решение вопроса о бесконечно отдаленных последствиях деяния преступного лица.

Данная теория закладывает фундамент для причинного анализа в отечественном уголовном праве. Методология, предполагаемая эквивалентной теорией, несет в себе лишь прием, а именно: логическую операцию, которая может дать лишь вероятностный вывод. На практике же дополняемых обыденным представлениями о причинных зависимостях. Следовательно, данный прием выявляет предположение, но ни в коем случае не определяет абсолютно достоверное знание.

Доктрина адекватной причинности является наиболее распространенной и была выдвинута в противовес теории эквивалентности. Данное название доктрины было выдвинуто ее сторонниками ввиду наличия среднестатистически закономерной, типичной причины для наступления результата преступления. Нестандартные действия не могут наличествовать в этой теории, хотя реально и вызывают результат. Причиной в данной теории признаются только те детерминанты, которые по своей ответственности последствиям способны производить результат. Следовательно, в отличие от теории эквивалентности способна сужать возмож-

ные причины наступления общественно опасных последствий до собственных деяний, что является положительной стороной данной теории.

Несовершенство данной теории заключается в пренебрежении категориями случайности и необходимости, но случайность в свою очередь является стороной необходимости, а именно такой же закономерностью, как и необходимость. Сторонники концепции не относят легкий вред здоровью причиной смерти, хотя именно он мог впоследствии стать фатальным для продолжения жизни.

Для обоснования частичной несостоятельности теории адекватной причинности следует привести пример из судебной практики советского времени, когда признавалось отсутствие причинной связи, потому что результат был нестандартным из-за его уникальности или наличествовали особенности пострадавшего лица.

Так, 1 мая 1950 года В. передвигаясь на автомобиле совершил наезд на шестилетнюю девочку, в результате чего были причинены повреждения мягких тканей головы. 16 мая 1950 года, девочка скончалась. Судебно-медицинская экспертиза выявила легкие телесные повреждения, однако, в силу того что организм девочки был истощен вследствие перенесенной ранее болезни, легкие повреждения тканей стали источником заражения всего организма и В. был признан виновным.

Верховный суд СССР, рассмотрев материалы дела, определил: «...поскольку неосторожными действиями В. потерпевшей С. были нанесены легкие телесные повреждения, а смерть девочки наступила от инфекционного процесса, вспыхнувшего в связи с ранее перенесенной ей болезнью, то причинная связь между действиями осужденного и наступившими последствиями — смертью В. — отсутствуют» [5].

Интерпретируя случайную связь в отсутствие причинной связи, является недопустимым хотя бы потому, что это противоречит общенаучным истинам. Таким образом, в случаях, когда наступлению последствий способствовали особенности организма пострадавшего говорить об отсутствии причинной связи недопустимо. Однако, следуя вышеуказанному решению Верховного суда СССР, можно предположить, что, если В. знал об особенностях организма потерпевшей и осознанно рассчитывал на это обстоятельство, следовало бы наличие вины в данном составе преступле-

ния. Тем самым, причинность становится в прямую зависимость от виновности.

До сих пор в доктрине адекватной причинности не выявлен единый способ определения «типичности» явлений. Однако, сторонники выделяют всего две разновидности: субъективную и объективную. Представители первой считали, что оценке необходимо быть основанной на представлениях лица, осуществившего действия [6]. Приверженцы второй теории считали, что оценку типичности поведения человека для наступивших последствий могут давать следующие представители: по мнению Н. Н. Ярмыш осуществить это мог высококвалифицированный юрист, М. Рюмелина считает, что именно пронизательность судьи способна дать адекватную оценку, но Тон отмечал лишь наличие благоразумия в человеке уже становится возможным для определения им типичности [7]. Исходя из этого, интерпретация причинной связи зависит лишь от субъективной юридической оценки особенных факторов и характера взаимосвязи. Практики обоснованно критикуют размытость критериев ее применения, также отмечая, возможности выбора преступниками нетипичных путей достижения желаемого результата.

Исследовать детерминацию, а главное — причинность, необходимо при заданных обстоятельствах, но не абстрактно, так как истина конкретна. Однако, адекватная доктрина сужала причины последствий типичными деяниями и игнорировала это. С методологической точки зрения эквивалентная и адекватная доктрины проработаны достаточно хорошо, однако, во второй все же определены критерии, которые хоть и размыты, но применимы на практике.

Таким образом, проблема причинной связи в уголовном праве остается нерешенной. А выделить наиболее подходящую из исследуемых доктрин не представляется возможным, ввиду отсутствия их состоятельности на практике применения. На сегодняшний день ни одна из теорий не способна представить общий и точный перечень критериев применимых ко всем видам преступлений. Требование с установлением причинной связи стало аксиомой уголовного права. В этой области уголовного права чаще других осуществляются попытки наложить философские концепции на уголовно-правовые построения.

В заключении необходимо отметить принципиальную важность каждой отдельной юридической оценки в определении причинной связи, так как субъективность в данном вопросе остается значительным фактором, влияющим на дальнейшее определение квалификации криминалистами преступлений. Таким образом, на сегодняшний день для решения этой проблемы криминалистам необходимы знания о правоприменительной практике, а именно о типичности конкретного дела. А также, для построения наиболее истинного предположения, к чему стремится право, исследователю необходимо сопоставление факторов дела, характера взаимозависимостей, взаимодействия казуальных факторов и знания правоприменительной практики для установления истины.

Список литературы

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н. В. С. Комиссарова, д.ю.н. Н. Е. Крыловой, д.ю.н. И. М. Тяжковой. 2-изд., стереотип. — М.: Статут, 2014. — С. 257.
2. Наумов, А. В. Российское уголовное право. В 3 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — С. 736
3. Уголовное право. Общая часть / Под ред. А. А. Пионтковского. М., 1984.
4. Князев Н. А. Проблема причинности в философии (концепция двух уровней): Автореф. ...дис. д-ра филос. наук. М., 1993.
5. Судебная практика Верховного суда СССР. 1952 г. № 1.
6. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. — СПб., 2007. — С. 96.
7. Малинин В. Б., Парфенова А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004.

УДК 343.2

Освобождение от уголовной ответственности в Российской Федерации и зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ

Уздовский Александр Валерьевич

аспирант Ростовского государственного экономического университета

***Аннотация:** В статье рассматривается институт освобождения от уголовной ответственности, анализируется современная уголовно-правовая политика Российской Федерации и других государств, направленная на гуманизацию уголовного законодательства. Законодатель вносит изменения в уголовный закон, направленные на совершенствование законодательства в соответствии с общественно-экономическими условиями. Однако в связи с несистемным характером данного процесса проявляются коллизии отдельных оснований освобождения от уголовной ответственности. Указывается на особенности законодательного закрепления рассматриваемого института, осуществляет сравнительно-правовой анализ отечественного и иностранного законодательства. На основании проведённого анализа выявлены схожие положения законодательств иностранных государств, предполагающие освобождение от уголовной ответственности, опыт реализации которых может быть применен для совершенствования отечественного уголовного закона.*

***Abstract:** The article considers the institute of exemption from criminal liability, analyzes the modern criminal policy of the Russian Federation and other states aimed at humanization of criminal legislation. The legislator makes changes in the criminal law aimed at improving the legislation in accordance with social and economic conditions. However, due to the non-systemic nature of this process, conflicts of certain grounds for exemption from criminal responsibility are manifested. The peculiarities of legislative recognition of the considered institute are pointed out. A comparative legal analysis of domestic and foreign legislation is carried out. Based on the conducted analysis similar provisions of the legislations of foreign states, assuming exemption from criminal liability, the experience of realization of which can be applied for improvement of the domestic criminal law, are revealed.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность; уголовный закон; возмещение ущерба; сравнительно-правовой анализ; гуманизация.*

***Keywords:** criminal liability; criminal law; reparation of damages; comparative legal analysis; humanization.*

К одной из отличительных характеристик современного этапа развития отечественного уголовного законодательства можно отнести его гумани-

зацию. В первую очередь данная тенденция проявляется в совершенствовании института освобождения от уголовной ответственности, выполняющего функцию определенного компромисса между частным и публичным интересом.

Как известно, в результате противоправных действий вред причиняется как обществу в целом, так и конкретному лицу. Действующая уголовно-правовая политика, в том числе ориентированная на максимально возможное возмещение вреда потерпевшему от преступления и устранение последствий общественно-опасного деяния, должна учитывать возможности альтернативных примирительных процедур.

Ключевым инструментом такой уголовно-правовой политики являются поощрительные нормы, устанавливающие основания и определяющие условия освобождения от уголовной ответственности, в связи с чем законодатель последовательно увеличивает количество подобных норм. В большинстве таких норм традиционно в качестве императивного условия применения выступает возмещение причиненного ущерба.

Еще в начале прошлого десятилетия уголовный закон был дополнен положениями, допускающими возможность освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ указанная статья была подвергнута существенным изменениям, повлекшим в итоге и к изменению наименования соответствующего основания. В настоящее время оно именуется как «освобождение в связи с возмещением ущерба». При этом был значительно расширен перечень экономических преступлений, за совершение которых допускается освобождение от уголовной ответственности.

Происходящие изменения содержания положений статей УК РФ, предусматривающих освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, вызваны в первую очередь необходимостью своевременного отражения в нормах уголовного права сложившихся общественно-экономических тенденций, снижения давления на бизнес-сообщество.

По мнению представителей научного сообщества, в альтернативных средствах разрешения уголовно-правовых конфликтов имеется значитель-

ный потенциал для решения проблем восстановления нарушенных имущественных прав потерпевшего и социальной справедливости [4, С. 486].

Однако отсутствие единого подхода в законодательной регламентации названных мер в российской правовой системе и наличие коллизий не позволяют использовать их потенциал в полном объеме.

История применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в США, Великобритании, а также некоторых странах Западной Европы исчисляется десятилетиями, в связи с чем представляет интерес для исследования.

Успешный опыт реализации подобных инструментов подтверждается исследованиями представителей уголовно-правовой науки зарубежных стран, исследованиями и научными работами представителей отечественного научного сообщества, в которых содержатся, в том числе, сведения о положительной статистике освобождения от уголовной ответственности в связи с урегулированием конфликта в разных странах.

Нормы законодательства зарубежных стран, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности за совершение преступлений, содержатся как в уголовно-правовом, так и в уголовно-процессуальном законодательствах, что обусловлено традициями и особенностями правового регулирования в различных государствах.

В странах англо-саксонской правовой семьи (Великобритания, США) широкое распространение получили так называемые «сделки о признании вины», представляющие собой заключаемое соглашение между обвиняемым и обвинителем, предполагающее смягчение наказания в обмен на сотрудничество с правоохранительными органами [6, С. 268]. Однако хоть данный институт и можно отнести к поощрительным мерам, он не предполагает освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, в связи с чем не представляет интереса для настоящего исследования.

В то же время такие альтернативные способы урегулирования уголовно-правового конфликта, как медиация, уголовное предписание и трансакция представляют научный и практический интерес для российского уголовного права. Кроме того, отдельные элементы указанных институтов уже содержатся в отечественном законодательстве.

Так, освобождение лица от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа или возмещением ущерба на первый взгляд похожи на известную зарубежному праву процедуру трансакции как альтернативу уголовному преследованию, которая в различных странах применяется в той или иной вариации, но при сохранении концептуального сходства.

Можно выделить следующие обстоятельства, по которым можно определить различия в практической реализации трансакции в национальных законодательствах:

1. наименование данного института: трансакция в Бельгии и Нидерландах; фискальный штраф — в Шотландии; штраф по соглашению — во Франции [5, с. 501];

2. осуществляется различными органами государственной власти. К примеру, в Бельгии этим занимается прокурор на досудебной стадии уголовного процесса; в Нидерландах — прокурор, а также полиция.

3. по-разному решается вопрос о том, кто должен назначать сумму, подлежащую уплате. Так, во Франции условия назначения штрафа определяются прокурором до принятия решения о возбуждении уголовного дела, а утверждаются органами судебной власти в случае согласия виновного на утверждение подобного «соглашения».

Напротив, в Нидерландах суд не задействован в процедуре: сумма, подлежащая уплате в бюджет, предлагается лицу несудебными органами, что существенно отличается от процедуры назначения судебного штрафа по УК РФ, где размер штрафа определяется непосредственно судом с учетом конкретных обстоятельств дела [2, с. 116];

4. различия в институте трансакции связаны с особенностями процессуального положения потерпевшего. В частности, в Бельгии к императивным условиям применения трансакции относится возмещение причиненного ущерба.

Во Франции лицу, совершившему преступление, предлагается загладить вред, причиненный потерпевшему, в течение полугода;

5. размер денежной выплаты, как правило, не должен превышать предельной суммы штрафа, если он предусмотрен законом в качестве наказания за совершенное преступление (Нидерланды, Бельгия).

Таким образом, изучение уголовного законодательства ряда зарубежных стран позволяет сделать вывод, что большинство видов освобождения от уголовной ответственности, известных законодательству этих стран, содержится и в российском уголовном законе.

Вместе с тем в отечественном уголовном законе имеются положения, носящие уникальный характер, к числу которых относится, прежде всего, ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, предусматривающая кратный размер денежного возмещения, перечисляемого в федеральный бюджет, в качестве императивного условия освобождения от уголовной ответственности.

В литературе данные условия оцениваются достаточно критически. Так, профессор Апостолова Н.Н. отмечает, что для субъектов предпринимательской деятельности освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа представляется более выгодным и приемлемым решением вопроса, чем в связи с возмещением ущерба, т.к. во втором случае требуется еще и уплатить в федеральный бюджет денежное возмещение в двукратном размере либо суммы причиненного преступлением ущерба, либо полученного преступным путем дохода, либо убытков, которых удалось избежать [1, С. 12].

Зарубежный законодатель не ставит перед лицом, совершившим преступление, таких требований, ограничиваясь причиненным вредом и, в отдельных случаях, устанавливаемым по усмотрению суда платежом [3, с. 27]. Разрешается также рассрочка выплат в счёт возмещения вреда (Австрия, Франция), чего не позволяет отечественное уголовное законодательство.

Сложилась ситуация, при которой по отдельным преступлениям небольшой тяжести обязательные условия для применения ч. 2 ст. 76.1 УК РФ могут быть жестче, чем вероятное наказание. Такая непропорциональность создаёт у лица, совершившего преступление, неготовность воспользоваться альтернативными мерами урегулирования уголовно-правового конфликта, что оказывает влияние и на их практическую востребованность.

Представляется необходимым пересмотреть подход к размерам денежного возмещения, предусмотренного ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. Например, ограничить размер денежного возмещения половиной сумму штрафа, преду-

смотренного в качестве санкции конкретных статей Особенной части УК РФ по аналогии с судебным штрафом.

В сложившейся сложной экономической ситуации, связанной с оказываемым санкционным давлением на Российскую Федерацию, иной способ вряд ли будет отвечать назначению института освобождения от уголовной ответственности. На данный момент необходим не только компромисс в разрешении конфликта, но и определенная вариативность.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что наличие альтернативных средств разрешения уголовно-правовых конфликтов, не предусматривающих привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, в отечественном и зарубежном законодательстве выступает неким компромиссом между частным и публичным интересом, оптимальным средством борьбы с преступностью в современных условиях.

Список литературы

1. Апостолова Н. Н. Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба // Мировой судья. 2020. № 7. С. 9–13.
2. Беседин Г. Е. Новое основание освобождения от уголовной ответственности: очередной конфуз российского законодателя? // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 114–118.
3. Никульцева А. Н. Гуманизация уголовного законодательства Германии: негативные последствия и пути преодоления недостатков уголовного законодательства. Право и политика. 2017. № 1. С. 19–30.
4. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика: монография / Под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2021. 436 с.
5. Плошкина Я. М. Правовая природа заглаживания и компенсации причиненного преступлением вреда по российскому и германскому праву // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2022. № 2. С. 486–505.
6. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для вузов / под редакцией А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. М.: Издательство Юрайт, 2023. 285 с.

УДК 347.73

Принцип гласности (транспарентности) в финансовом праве: особенности реализации в российской практике

Маркова Елена Сергеевна

магистрант Института права Самарского государственного
экономического университета

Асеев Дмитрий Владимирович

кандидат социологических наук,
доцент Самарского государственного экономического университета

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются особенности применения принципа гласности в финансовом праве в российской практике, который на международном уровне также именуется принципом транспарентности. Автором последовательно раскрывается понятие принципа транспарентности, его нормативно-правовая основа, роль в системе бюджетного права РФ. Особое внимание уделено вопросу соотношения терминов «прозрачность», «открытость», «гласность», «транспарентность». Проведенный анализ показывает, что проблемы правоприменения, связанные с нормой о прозрачности (открытости) бюджетов в соответствии со ст. 36 БК РФ, преимущественно связаны именно с терминологической неопределенностью, что становится причиной судебных исков. Автором сформулированы основные подходы к соотношению указанных выше терминов, которые присутствуют в современной отечественной правовой науке, сформулированы основные тенденции развития бюджетного права и вопросы совершенствования относительно выявленных проблем.*

***Abstract:** This article deals with the peculiarities of application of the principle of publicity in financial law in Russian practice, which is also called the principle of transparency at the international level. The author consistently discloses the concept of the principle of transparency, its regulatory framework, its role in the system of budgetary law of the Russian Federation. Special attention is paid to the issue of the “transparency”, “openness”, “publicity”, “transparency” terms correlation. The analysis shows that the problems of law enforcement related to the norm on transparency (openness) of budgets in accordance with Art. 36 of the Budget Code of the Russian Federation are mainly associated with terminological uncertainty, which becomes the cause of lawsuits. The author formulates the main approaches to the correlation of the above terms, which are present in modern domestic legal science, formulates the main trends in the development of budgetary law and issues of improvement in relation to the identified problems.*

Ключевые слова: финансовое право, бюджетное право, бюджет, принцип открытости, принцип прозрачности, транспарентность.

Keywords: financial law, budget law, budget, the principle of openness, the principle of transparency, transparency.

Текущие тренды цифровизации общественных процессов сформировали условия открытости деятельности государственных структур. Активные процессы взаимодействия государственной власти с общественными институтами и необходимость вовлечения населения в управление публично-правовыми образованиями формирует потребность в повышении прозрачности такого взаимодействия. Данная тенденция затрагивает также и вопросы бюджетного управления, что находит отражение в реализации принципа транспарентности.

Принцип транспарентности определяет законодательно закреплённую доступность информации о бюджетном процессе в РФ относительно механизмов формирования и исполнения бюджета. Одним из основных способов обеспечения прозрачности бюджетных расходов является закрепление принципа прозрачности (открытости) бюджетов в статье 36 БК РФ [1]. Вопросы открытости бюджетного процесса в равной степени охватывают не только расходную часть бюджета, но и источники формирования доходов.

Аналогичного мнения придерживается и Международный валютный фонд, указывая, что помимо обязательств по открытости и прозрачности в отношении расходной части бюджета, государство должно также обеспечивать прозрачность и доступность информации о том, как формируются доходы государственного бюджета [8]. Особо подчеркивается, что в целях создания открытой системы органы государственной власти обязаны регулярно отчитываться о фактическом поступлении денежных средств в форме ежемесячных и годовых отчетов.

Принцип гласности финансового права все чаще становится объектом обращений как способа регулирования бюджетных правоотношений — это подтверждается материалами судебной практики различных инстанций. Например, подобными актами индивидуального регулирования

ния являются определение ВС РФ от 13.07.2016 № 302-КГ16–7409 [3] или апелляционное определение Волгоградского областного суда от 28.09.2016 по делу № 33–13232/2016 [6].

В действующих положениях бюджетного законодательства принцип транспарентности сформулирован как «принцип прозрачности (открытости)», однако, законодатель не раскрывает соотношение данных терминов, предполагая их тождественность. Кроме того, в научных исследованиях также фигурируют термины «транспарентность» и «гласность», что создает некую неопределенность. Однако, независимо от использованных терминов, основная цель остается та же: обеспечение открытости, прозрачности и участия граждан в процессах государственного управления и распределения бюджетных ресурсов. В соответствии с правилами юридической техники именно употребление синонимов в правовых нормах может выступать источниками правовой неопределенности в терминах, что в дальнейшем может стать причиной снижения эффективности применения таких норм [9, с. 311].

С. В. Кожушко проведено исследование, в рамках которого было определено, что правовое содержание терминов «открытость» и «прозрачность» тождественно термину «гласность» [13, с. 90].

В современной юридической практике проблема применения принципа транспарентности находится во взаимосвязи с недостаточной определенностью данного принципа в формулировках законодателя, и, соответственно, их последующей практической применимостью. Следовательно, действующий принцип гласности требует конкретизации и юридического толкования с позиции правоприменимости. Так, в Постановлении КС РФ от 17.06.2004 содержится указание на то, что и система финансового регулирования, и бюджетная система должны соответствовать указанному принципу транспарентности в рамках управленческого процесса принятия финансово-экономических решений органами государственности власти [2]. В понимании Конституционного суда РФ реализация указанного принципа направлена на обеспечение эффективности контроля деятельности властных органов со стороны гражданского общества в финансовой сфере.

Данный вывод подтверждается следующими решениями. Например, в определении Верховного Суда РФ от 31.03.2016 № 305-КГ15–17695

разъясняется, что государственные контракты, которые заключаются для реализации публично-значимых интересов за счет бюджетных средств, также попадают под действие указанного в БК РФ принципа открытости [4]. Это определяет, что все этапы договорного процесса, в том числе и применение мер ответственности (их результаты) в случаях, когда при исполнении таких договоров выявляется недобросовестность контрагента — в равной степени должны быть открыты и доступны для общественности [5].

Таким образом, анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что суды в ходе применения законодательства в сфере бюджетного права зачастую синонимизируют понятия «прозрачность», «открытость» и «гласность». Такой подход отражается и на позициях нижестоящих судов.

Современная практика правоприменения характеризуется наличием научных споров о содержании принципа транспарентности как принципа права, поскольку его историческое развитие находится в тесной взаимосвязи с политическими событиями. В частности, исторический опыт показывает, что изначально принцип прозрачности отождествлялся с открытостью государственных и партийных органов для критики со стороны рабочих. Соответственно, внедрение принципа открытости находилось в прямой взаимосвязи с развитием демократических процессов в стране.

Вместе с тем принцип гласности имел несколько иное содержание, отличное от текущего восприятия в правовой сфере. В период второй половины 1980-х гг. принцип гласности свидетельствовал о снятии цензурных ограничений, а также установления принципа свободы слова. Тем самым, анализ исторических процессов показывает различия между принципами гласности, которое имеет скорее политический характер, чем характер правового регулирования. В то время как принцип открытости в большей степени находился в плоскости нормативного регулирования. Несмотря на это, принцип гласности все же получил правовое закрепление в рамках ст. 3 Закона РСФСР от 10.10.1991 № 1734–1 [7]. Соответственно, в настоящий момент теоретиками финансового права выделяется 3 основополагающих подхода к соотношениям терминов «открытость» и «гласность» как принципов права, что отражено на рисунке 1.

Рисунок 1. Соотношение терминов «открытость» и «гласность»

Согласно исследованию К. Гуда и Д. Хейлда, в системе правоотношений принцип транспарентности рассматривается в разграничении на четыре основополагающих типа, которые позволяют сформировать горизонтальные и вертикальные взаимосвязи между участниками таких правоотношений (рисунок 2).

Исходя из изложенного можно отметить, что действующие тенденции развития права характеризуются переходом от автономности к интегративности, то есть фактическому сближению национальных и международных правовых норм. В таких условиях принцип транспарентности в различных областях права, в том числе и финансовом праве, становится универсальным. Однако, действующая в российской практике правовая неопределенность содержания терминов «открытость», «гласность» и «прозрачность» не отвечает принципам правового единообразия и непротиворечивости, что препятствует гармоничному вхождению России в глобальное правовое пространство. Действующие принципы, закрепленные в Бюджетном кодексе РФ, не позволяют разграничить содержание принципов открытости и гласности, что ставит под сомнение их эффективность с точки зрения правоприменительной реализации.

Таким образом, на данном этапе развития национальных правовых норм целесообразно обеспечить конкретизацию принципа транспарент-

Рисунок 2. Основные типы транспарентности в системе финансовых правоотношений [14, 15]

ности с целью нивелирования имеющейся правовой неопределенности путем выработки управомоченными правотворческими органами и лицами более детальных, уточненных принципов и норм права, на что указывает и В. В. Ершов [11, с. 10].

Соответственно, обозначение действующего принципа транспарентности, именуемого в Бюджетном кодексе РФ как принцип прозрачности (открытости), нецелесообразно, поскольку создает излишнюю терминологическую перегруженность без должного правового разъяснения данных терминов. Как определяется Власенко Н. А., специфика юридической техники не допускает применения синонимов в правовых нормах, поскольку «размывает» содержание объекта права и формирует условия для заблуждения при понимании правовых норм [10, с. 49].

Совершенствование действующей практики применения правового принципа транспарентности в финансовом праве должно быть направлено на:

- создание условий для перехода к интегративности правовых норм через установление системного подхода к законодательству о бюджетных отношениях, который бы объединял отдельные нормы в единое целое, учитывая их взаимосвязь и взаимодействие;
- устранение неопределенности правовых норм в системе бюджетных правоотношений, которая становится причиной различий в интерпретации и последующих противоречиях в применении законодательства, что снижает эффективность осуществления бюджетного процесса;
- сокращению противоречивости судебной практики.

Таким образом, на текущем этапе развития базовых принципов финансового права целесообразно было бы уточнить положения Бюджетного кодекса РФ путем замены принципа открытости (гласности) на принцип транспарентности, что позволит более точно определить основные принципы и цели бюджетного законодательства и создать гармоничную систему бюджетного законодательства.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. От 25.01.2024) // Российская газета. № 153–154. 12.08.1998
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2004 № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 7. Ст. 2803.
3. Определение Верховного Суда РФ от 13.07.2016 № 302-КГ16–7409 по делу № А19–19608/2014 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. — URL: <https://legalacts.ru/>
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 № 305-КГ15–17695 по делу № А40–218352/2014 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. — URL: <https://legalacts.ru/>
5. Решение Верховного суда Республики Коми от 06.12.2017 по делу № 21–946/2017 // Официальный сайт Республики Коми. — URL: <https://vs-komi.sudrf.ru/>

6. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 28.09.2016 по делу № 33–13232/2016 // Официальный сайт Волгоградского областного суда. — URL: [https://oblsud – vol.sudrf.ru/](https://oblsud-vol.sudrf.ru/)
7. Закон РСФСР от 10.10.1991 № 1734–1 (ред. от 31.07.1995, с изм. от 10.07.1996) (утратил силу с 01.01.2000) «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 14.11.1991. № 46. Ст. 1543.
8. Доклад Международного валютного фонда об оценке прозрачности в бюджетно-налоговой сфере в Российской Федерации // Официальный сайт Министерства финансов РФ. — URL: <http://old.minfin.ru/>
9. Краснов Ю. К. Юридическая техника: Учебник / Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. — Москва: Юстицинформ, 2014.— 536 с.
10. Власенко Н. А. Конкуренция принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 46–53.
11. Ершов В. В. Конкретизация права // Российское правосудие. 2014. № 7 (99). С. 5–16.
12. Каракулева, Т. М. Принципы права в современной науке: понятие и сущность // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72–6. С. 55–57.
13. Кожушко С. В. Принцип транспарентности бюджетной системы // Журнал юридических исследований. 2021. Т. 6. № 2. С. 89–98.
14. David Heald, «Varieties of transparency», in Christopher Hood & Daniel Heald (eds), *Transparency: The Key to Better Governance*. Oxford. Oxford University Press for the British Academy, 2006. Pp. 25–43;
15. Joël Félix. *Paths to Fiscal Transparency Control, Knowledge and Communication in EarlyModern Polities*. *Histoire&Mesure*. 2015. XXX-2. Pp. 3–22.

УДК 343.3

Проблемы по противодействию коррупции органами прокуратуры

Алексеева Анастасия Алексеевна

студент бакалавриата Самарского университета государственного управления
«Международный институт рынка»

Минеева Виктория Николаевна

студент бакалавриата Самарского университета государственного управления
«Международный институт рынка»

Научный руководитель **Изжеурова Екатерина Александровна**

доцент кафедры Конституционного и административного права
Международного института рынка

***Аннотация:** Данная статья затрагивает ключевую тему — значимость и продуктивность деятельности прокуратуры Российской Федерации в отстаивании борьбы против коррупционной преступности, в которой проанализированы статистические данные, касающиеся уровня поданных исков, штрафов, а также масштабов убытков, наносимых коррупционными преступлениями на территории страны. На основе данного анализа подробно подчеркивается важность роли, которую играет прокуратура в противостоянии коррупции, а также акцентируется внимание на необходимости усиления мероприятий по ее предотвращению в дальнейшем.*

***Abstract:** This article addresses a key topic — the significance and productivity of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in advocating the fight against corruption crime, which analyzes statistical data concerning the level of lawsuits filed, fines, as well as the scale of losses caused by corruption crimes in the territory of the country. Based on the analysis, the importance of the role played by the prosecutor's office in confronting corruption is emphasized in detail. The need to strengthen measures to prevent it in the future is also highlighted.*

***Ключевые слова:** коррупция, прокуратура, органы власти, органы государственного управления, противодействие коррупции, нормативно-правовые акты, антикоррупционная экспертиза, ущерб от коррупции, борьба с коррупцией.*

***Keywords:** corruption, prosecutor's office, authorities, public administration bodies, anti-corruption, regulatory legal acts, anti-corruption expertise, damage from corruption, fight against corruption.*

Согласно статье 1 Федерального закона «О прокуратуре РФ», прокуратура Русской Федерации представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, которые производят надзор за соблюдением Конституции Русской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в строгом соответствии со своими возможностями, также исполняющих иные функции [4].

Противодействие коррупции представляет из себя одну из приоритетных задач гос политические деятели и главнейшим направлением деятельности органов прокуратуры Русской Федерации, которым отводится центральное место в реализации антикоррупционного законодательства и обеспечении его обязательного соблюдения.

Органы прокуратуры производят свою антикоррупционную деятельность на основе Конституции Русской Федерации, международных соглашений, Федерального закона от 17 января 1992 г. 2202–1 О прокуратуре Русской Федерации, Федерального закона от двадцать пять декабря 2008 г. 273-ФЗ О противодействии коррупции, утверждаемого(енного) Президентом Русской Федерации Государственного плана противодействия коррупции и иных законодательных актов.

В строгом соответствии со статьей 36 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции в 2007 году на платформе органов прокуратуры Русской Федерации сделаны спец подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции (далее СППК). А именно, в Генеральной прокуратуре Русской Федерации образовано управление по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Подобные СППК созданы в прокуратурах субъектов Русской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратурах.

С целью гарантии независимости и самостоятельности таких подразделений для их работников предусмотрена особая процедура предназначения и освобождения от должности, но также особый порядок привлечения к ответственности.

Тем вот самым на платформе органов прокуратуры РФ сотворена независимая, вертикально встроенная структура, призванная обеспечить

полный практикует противодействию коррупции и устойчивая к вероятному давлению снаружи со стороны представителей всех ветвей власти. Установленные для тружеников подразделений гарантии независимости позволяют отлично и действенно исполнять возложенные функции, несмотря на уровень проверяемого органа.

В строгом соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 273-ФЗ О противодействии коррупции противодействие коррупции включает в себя::

- предостережение коррупции и следующее устранение ее обстоятельств (профилактика коррупции);
- борьба с коррупцией (выявление, предостережение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений);
- минимизация и ликвидация последствий коррупционных проявлений.

В этих целях СППК выполняются ряд задач, включая ПО укреплению ее позиции как главный площадки по трансграничному сотрудничеству в области противодействия коррупции, отмыванию денег, киберпреступности, включая преступное внедрение в коррупционных схемах криптовалют и других виртуальных активов.

Основная задач антикоррупционной работы заключается в том, чтоб минимизировать распространение коррупции до такового уровня, который не мешает развитию сообщества, охране прав граждан и улажению их актуальных потребностей. Главной сочиняющей этого процесса является обеспечение наказания коррупционеров и воздаянье государству причиненного ущерба. Одним из главных направлений работы является деактивация незаконно нажитых средств и прочих активов. Тут мы можем вспомнить слова мудрейшего Аристотеля, который произнес: «Основным принципом любой правильной системы правления обязано быть то, чтоб личикам на общественных должностях было недоступно обогащение».

Это свидетельствует о том, что бывший заместитель министра жилищно-коммунального хозяйства приобрел эти активы на необоснованные доходы. Прокуратура республики Башкортостан выступила в защиту интересов государства и потребовала описания и продажи указанных активов. Недавно Уфимским районным судом было удовлетворено данное исковое заявление, и активы будут принудительно изъяты и обращены

в доход государства. Это строгий и важный шаг в рамках борьбы с коррупцией и незаконными сделками должностных лиц. Контроль расходов и декларирование доходов играют важную роль в обеспечении прозрачности и честности в государственном управлении. Прокуратура, занимаясь подобными делами, помогает осуществлять этот контроль и наказывать тех, кто нарушает законы и злоупотребляет своим положением. Такие меры подтверждают серьезное отношение к борьбе с коррупцией в России и усиление контроля за деятельностью государственных служащих. Прокуратура будет продолжать проводить аналогичные проверки и выявлять незаконные сделки, чтобы вернуть незаконно полученные средства в доход государства и пресечь коррупционные практики. [9].

Прокуроры активно раскрывают скрытое имущество государственных служащих, используя широкий спектр информационных источников о финансовом положении официальных лиц, которые обязаны соблюдать соответствующие ограничения во время своей службы. Отличными помощниками в этой работе являются информационные ресурсы таких учреждений, как Росреестр, Федеральная налоговая служба, Росфинмониторинг и другие ведомства. Благодаря доступу к этим базам данных, процесс получения оперативной информации о доходах, активах и банковских счетах контролируемых лиц в России осуществляется эффективно и быстро.

Сокращение незаконных доходов с помощью их вывода за границу — распространенная тактика уклонения от ответственности, основывающаяся на сложности доступа к необходимой информации в иностранных юрисдикциях. Прокуратура налаживает сотрудничество с соответствующими органами других государств с целью снижения привлекательности таких махинаций для коррупционеров, устанавливая режим максимальной прозрачности операций с имуществом для прокуроров.

Вопросы о полноте взыскания денежных средств, полученных незаконным путем от коррупционеров, остаются на пике общественного внимания.

В 2021 году прокуроры, участвующие в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве по делам о коррупции, сумели взыскать в бюджет огромную сумму — 727,5 миллиона рублей. Эта цифра превышает аналогичный период прошлого года на шестикратное количество (115 миллионов рублей). Безусловно, проделанная работа не осталась

незамеченной, и в казну также поступили средства от административных штрафов, наложенных за коррупционные правонарушения, на сумму 376 миллионов рублей. Этот показатель превышает аналогичный период предыдущего года на 80 миллионов рублей. В итоге, систематическое и целеустремленное борьба с коррупцией оказывается все более успешной и приносит видимые результаты. [11].

В России существуют масштабные коррупционные правонарушения, которые не подпадают под уголовное преследование. Каждый год прокуроры выявляют и пресекают 250–300 тысяч таких нарушений. Значительная часть случаев связана с нарушением запретов и ограничений, установленных антикоррупционным законодательством для должностных лиц и служащих. Одним из распространенных проступков является неверное декларирование доходов и расходов, наличие счетов в зарубежных банках и занятие предпринимательской деятельности.

Примером такой коррупционной практики может служить увольнение заместителя министра сельского хозяйства Саха (Якутия) из-за представления недостоверных сведений о доходах. В течение трех лет он умышленно умалчивал о наличии одного из своих расчетных счетов в банке, на который за это время поступило около 18 миллионов рублей. Этот случай является ярким примером пренебрежения законом и невыполнения обязанностей должностным лицом [11].

В числе эффективных механизмов борьбы с коррупцией — права прокурора, предоставленные ему ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Данная статья может быть использована в качестве источника информации о возбуждении уголовного дела по факту хищения 10 миллионов рублей из федерального бюджета. Статья содержит подробности о том, как генеральный директор организации, при участии чиновников министерства транспорта и автомобильных дорог самарской губернии, получил оплату за невыполненные работы по госконтракту на строительство мостового перехода. Региональному министерству транспорта и автомобильных дорог причинен ущерб в размере 10 миллионов рублей [11].

Однако, кроме так называемой внешней антикоррупционной деятельности прокуратуры не менее важна борьба с коррупцией внутри самой прокуратуры.

Неоспоримо, в прокуратуре существуют отделы, специализирующиеся на предотвращении коррупционных и других правонарушений, которые призваны выявлять случаи неправомерного поведения среди сотрудников. В области интересов кадровых подразделений находятся вопросы достоверности информации о доходах и расходах прокуроров, урегулирования конфликта интересов и несоблюдения прокурорами своих обязанностей в целях борьбы с коррупцией. Кроме вышеупомянутых оснований, существуют также дополнительные основания для наказания правоохранительных органов в случае нарушения присяги прокурорским служащим.

Прокуроры активно осуществляют регулярные проверки поднадзорных организаций для проверки их соблюдения требований законодательства о обязательном уведомлении работодателем о трудоустройстве бывших государственных и муниципальных служащих. С помощью современных информационных баз, прокурорам удается получать данные о лицах, уволившись со службы, и сравнивать их с информацией органов, которые начисляют обязательные платежи для работающих граждан. Сравнивая эти факты, прокуроры выявляют работодателей, которые не соблюдают требования закона об уведомлении предыдущего нанимателя о заключении с бывшим служащим трудового или гражданско-правового договора, чтобы предотвратить конфликт интересов. В результате, юридические лица могут быть оштрафованы на сумму до полумиллиона рублей, а новый работник, выходец из государственных и муниципальных структур, рискует потерять свою новую работу.

Только за 2022 год были установлены факты представления неполных (недостоверных) сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера более чем 900 прокурорами.

Однако для граждан РФ общедоступной статистики числа прокуроров, привлеченных к уголовной ответственности за коррупционное преступление в настоящий момент не существует.

Безусловно, достоянием общественности иногда все же становятся факты коррупционного поведения сотрудников прокуратуры. Однако они не отражают полной картины происходящего в системе прокуратуры, которая декларируя гласность своей деятельности, как один из осново-

полагающих принципов деятельности, на деле же является достаточно закрытой структурой.

Стоит отметить, что законодатель наделил прокуроров особым правовым статусом: ст. 42 ФЗ «О прокуратуре» не допускает задержание, привод, личный досмотр прокурора, досмотр вещей и используемого им транспорта, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других лиц, а также задержания при совершении преступления. Прокурор не может быть привлечен к административной ответственности. Статья 448 УПК РФ предусматривает особый механизм возбуждения уголовного дела, делающий процесс привлечения к уголовной ответственности прокуроров разных уровней достаточно громоздким [3].

Такое законодательство весьма необычно и редко, являясь исключительным средством для обеспечения должного исполнения профессиональных обязанностей определенных лиц. Все мировые практики признают правовой иммунитет только у дипломатов.

Согласно Конституции РФ, некоторые лица, включая президента РФ, бывшего президента и судей, обладают неприкосновенностью. Никакие оговорки, содержащие возможность расширения круга лиц или мер принуждения, не содержатся в законах ФЗ или ФКЗ [1]. В соответствии с теорией иерархии законов, это можно сделать только путем внесения соответствующих изменений в саму Конституцию. Это означает, что нормы, установленные в законах, имеющих меньшую юридическую силу, являются юридически недействительными. Однако в РФ прокуроры пользуются привилегиями, предоставленными им в ФЗ «О прокуратуре» и УПК РФ, что нарушает принцип «*durum lex sed lex*» (лат. закон есть для всех), который должен соблюдаться во всех правовых системах и отражать идеал справедливости и равенства перед законом.

В системе прокуратуры Российской Федерации функционирует специализированное подразделение, ответственное за обеспечение безопасности сотрудников. Это подразделение отличается от аналогичных структур в системе органов внутренних дел тем, что его основная задача заключается в охране личной безопасности прокуроров и предотвращении возможных нападений, угроз и нелегальных действий в отношении них.

Таким образом, из вышеизложенного следует, система противодействия коррупции является многогранной. В нее вовлечено большое количество участников. В этой сложной иерархии прокуратура выступает как координатор антикоррупционной деятельности, надзорный орган, следящий за точной реализацией антикоррупционного законодательства, и как орган, пресекающий коррупционные проявления.

В целом, эффективное противодействие коррупции в прокуратуре требует комплексного и координированного подхода со стороны всех заинтересованных сторон. Однако особое значение имеет внедрение принципов открытости и прозрачности работы прокуратуры. Необходимо информировать общественность, предоставляя доступ к официальной статистике о прокурорах, осужденных по статьям 285–293 УК РФ. Подобные меры являются важными в современном обществе, так как способствуют установлению доверия со стороны населения к власти и способствуют развитию демократических принципов в обществе.

Принято решение о введении публичной отчетности для сотрудников прокуратуры по поводу заявлений и жалоб граждан, связанных с коррупцией. Более того, мы видим необходимость переосмыслить положение о правовой неприкосновенности прокуроров, ужесточить контроль над их доходами и расширить круг олицетворяемых лиц, подлежащих декларированию доходов и расходов. Предлагается включить не только семейные связи (супругов и несовершеннолетних детей), но и родителей, братьев, сестер, а также доходы и расходы совершеннолетних детей в этот процесс.

Помимо вышесказанного, необходимо создание специализированного органа, который, работая совместно с ФСБ РФ, занимался бы выявлением внутренней коррупции в системе прокуратуры, прямо подчиняясь Генеральному прокурору РФ.

Считаем, что решение вышеупомянутых проблем и предлагаемые способы их преодоления являются ключевыми аспектами для достижения цели, которая заключается в эффективной борьбе с коррупцией. Данное направление чрезвычайно важно и признается приоритетным в рамках государственной политики, а также составляет основу деятельности органов прокуратуры. В свете этого, мы убеждены, что приведенные проблемы и предлагаемые решения окажут существенное влияние на реализацию данной политики.

Список литературы

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023)
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023)
4. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202–1 (ред. от 24.07.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // КонсультантПлюс
5. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2023) // КонсультантПлюс
6. Указ Президента РФ от 16.08.2021 N 478 (ред. от 26.06.2023) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы»
7. Указание Генпрокуратуры России N 35/11, МВД России N 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности>Приложение>Перечень N 23 преступлений коррупционной направленности
8. Овчинников В. С 2000 года в Китае за коррупцию расстреляно 10 тысяч чиновников // Российская газета [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2009/06/25/korrupcia.html>.
9. Верховный суд республики утвердил решение по иску прокуратуры об обращении в доход государства имущества бывшего заместителя регионального министра // Прокуратура Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_02/mass-media/news?item=87292061
10. О результатах надзорной деятельности за исполнением законодательства о противодействии коррупции в 2022 году // Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Центральному федеральному округу [Электронный ресурс]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_cfo/mass-media/news/news-regional?item=85289607.

11. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова РИА «Новости» // Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=67360817>.
12. Экс-начальников из самарского ГУ МВД осудили за взятки и откаты // Новости 63.ru [Электронный ресурс]. — URL: <https://63.ru/text/criminal/2021/06/28/69994553>.

УДК 340.111.5

Интерпретация понятия «собственность» в контексте интеллектуальной собственности

Власов Антон Сергеевич

аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета

***Аннотация:** Автор рассматривает проблематику, связанную с использованием словосочетания «интеллектуальная собственность» в качестве обобщающего понятия для результатов интеллектуальной деятельности, через призму существующих доктринальных и законодательных ограничений на прямое применение института собственности к объектам интеллектуальной собственности. Отсутствие четких контуров понятия интеллектуальной собственности приводит в некоторых случаях к отождествлению интеллектуальной собственности и традиционной собственности. Наличие законодательного запрета на такое отождествление приводит к правовой и фактологической неопределенности при прогнозировании результатов осуществления гражданских прав и обязанностей. В статье приведены примеры, что наличие запретов и ограничений на распространение вещно-правовых норм, не является непреодолимым препятствием для их использования правообладателями и применения судами.*

***Abstract:** The author considers the problems associated with using the “intellectual property” phrase as a generalizing concept for the results of intellectual activity, through the prism of existing doctrinal and legislative restrictions on the direct application of the institute of ownership to the objects of intellectual property. The lack of clear contours of the concept of intellectual property leads in some cases to the unification of intellectual property and traditional property concepts. The existence of a legislative prohibition on such unification leads to legal and factual uncertainty in predicting the results of the realization of civil rights and obligations. The article provides examples that the presence of prohibitions and restrictions on the dissemination of*

real-law norms is not an insurmountable obstacle to their use by right holders and application by courts.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, право собственности, интеллектуальные права, вещное право, материальные объекты, практика, правовое регулирование.

Keywords: intellectual property, property law, intellectual property rights, property law, tangible objects, practice, legal regulation.

Каждое понятие, термин в рамках конкретной научной дисциплины не должен иметь многозначных определений или способов его определения. В противном случае возникнет соответствующая неоднозначность, которая при выполнении языком посреднической функции, заключающейся в установлении тождества между знаком/символом/звуком и значением (смысловое содержание) может породить несколько сосуществующих действительностей, характеристики которых будут зависеть от восприятия соответствующего термина/понятия определенным субъектом.

А. С. Пушкин в своих сочинениях приписывал Р. Декарту следующую мысль: «Определяйте значение слов (говорил Декарт), и вы избавите свет от половины его заблуждений» [1, с. 420].

Хрестоматийным примером неоднозначности содержания является понятие «интеллектуальной собственности», которая содержит в себе и нематериальный субстрат в части использования термина «интеллектуальная» и понятие, которое традиционно имеет тесную связь с материальными объектами, а именно «собственность».

Считается, что непосредственным проявлением адаптивной модальности языка является сознательное или, что случается чаще, бессознательное пользование заведомо ограниченным набором терминов и стилистических фигур речи как рационально истолкованных, так и не определенных, но интуитивно ясных.

Для юридической науки, еще в 1900 году А. А. Пиленко отмечал, что «неразвитое юридическое мышление очень часто руководится так называемым законом конструкционной экономии. Закон этот заключается в следующем: появление какого-нибудь нового социально-правового

явления всегда вызывает — как инстинктивный первый порыв — желание субсуммировать это явление в одну из издавна устоявшихся, издавна известных юридических категорий». [2, с. 590]

Термин «интеллектуальная собственность» с учетом приведенной адаптивной модальности языка, может быть интерпретирован, как имеющий близость с объектом материального мира. В случае толкования юристом, он будет иметь связь с вещным правом и, следовательно, испытывать на себе влияние нормативного регулирования, относящегося к вещному праву, которое рассчитано на применение к материальным объектам (вещам).

Одновременно с этим в доктрине существует устоявшееся мнение об условности термина интеллектуальной собственности. Е. А. Суханов являющийся противником проприетарной концепции, считает термин «интеллектуальная собственность» условным и «не имеющим никакого отношения к собственности» [3, с. 87–95].

Приведенный подход детерминирован тем фактом, что категория собственности рассчитана на применение к физически осязаемым вещам, в отношении которых можно осуществлять правомочия владения (физического господства), которое, и это не оспоримо, в текущем содержании понятия владения, придаваемом законодателем и судебной практикой, в отношении объектов интеллектуальной собственности. Важность владения прослеживается со времен римского права и в различных правовых доктринах по всему миру. Как указывает Гаврилов А.П. нематериальным объектом владеть нельзя, поэтому исключительное право, в отличие от права собственности, не знает правомочия владения [4, с. 16].

Вместе с тем правообладатели, суды и деятели науки все чаще рассматривают интеллектуальную собственность как «собственность», интеллектуальная собственность все больше приобретает черты материальной собственности. Данный процесс происходит несмотря на наличие в пункте 3 статьи 1227 ГК РФ прямого запрета на применение положений раздела II ГК РФ к интеллектуальным правам.

В качестве примера приведем несколько судебных дел в предмет рассмотрения которых были вовлечены объекты интеллектуальной собственности. В 2016 году Судебной коллегией ВС РФ была выражена правовая позиция о возможности владения произведением (програм-

мой для ЭВМ) и как следствие существования нового авторского правомочия — права владения произведением (наряду с правом использованием произведения и правом распоряжения исключительным правом) [5]. В 2020 году Арбитражным судом города Москвы не было найдено препятствия для неприменения к объектам интеллектуальной собственности вещно-правовых способов защиты: «Запрет в ст. 1227 ГК РФ не соответствует общему подходу к правовому регулированию отношений, относящихся к предмету гражданского права и частного права в целом, согласно которому этим отношениям не может быть отказано в правовом регулировании на том основании, что отсутствует норма права, прямо регулирующая такие отношения, поскольку в этом случае к ним по аналогии закона применяется норма, регулирующая сходные отношения (п. 1 ст. 6 ГК РФ) <...> Наличие в п. 3 ст. 1227 ГК РФ правила не может рассматриваться в качестве непреодолимого препятствия для применения норм раздела II ГК РФ к отношениям, связанным с интеллектуальными правами» [6].

Классическое восприятие вещи, которая представляет из себя телесный объект ограниченный пространственными границами, не является непреодолимым препятствием для применения в рамках российского законопорядка к договорам предметом которых является созданием программ для ЭВМ положений главы 37 ГК РФ о договоре подряда, что подтверждается многочисленной судебной практикой (например Решение АС СПб и ЛО от 01.12.2023 по делу А56–106244/2021) [7].

При этом судам не мешает относить договоры предметом которых является создание объектов интеллектуальной собственности к договорам подряда, для которых конституирующим признаком является наличие материального результата. На этом фоне следует отметить попытку теоретической разработки Фалалеева А. договора интеллектуального подряда на выполнение работы по созданию по заданию заказчика результата интеллектуальной деятельности [8, с. 15].

В рамках научных изысканий А. А. Крыжановской в работе «Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный в связи с использованием сложных программных продуктов» обосновывается возможность распространения нормы о владении на разработчиков и правообладателей

ЭВМ в контексте ответственности за вред причиненный источником повышенной опасности [9].

Судебная практика Соединенных Штатов Америки в деле «Ebay Inc. v. Bidder's Edge, Inc.» квалифицировала действия агрегатора аукционных данных по использованию «программы-сканера» для сбора данных с веб-сайта eBay, как посягательство на движимое имущество, которое выражается в том, что сторона-нарушитель намеренно или по неосторожности вмешалась в законное владение другим лицом движимым имуществом [10]. Аналогичный подход был использован в деле «Register.com Inc. против Verio Inc.», где был подтвержден судебный запрет по иску о незаконном владении движимым имуществом против ответчика, который использовал поисковых роботов для доступа к компьютерам истца и онлайн-базе данных в нарушение условий пользовательского соглашения [11].

Кассационный суд Турции в решении от 16.01.2020 отметил следующее: «Когда компьютерная программа создается в соответствии с контрактом на выполнение заказа, она является собственностью заказчика... заказчик, который является владельцем произведения, должен иметь возможность легко использовать компьютерную программу в контексте цели контракта...» [12].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что разработанные концепции в сфере собственности используются при регулировании оборота объектов интеллектуальной собственности, с целью с целью обеспечения надлежащего баланса между интересами правообладателей и потенциальных пользователей, как в рамках романо-германской правовой семьи (Турция, Россия), так и в рамках англо-саксонской (США).

Наличие экономической ценности, естественное возникновение в результате человеческой деятельности, абсолютный характер свидетельствуют о генетическом родстве между собственностью и интеллектуальной собственностью. Собственность представляет из себя зонтик, который охватывает, все более широкий спектр объектов, которые продолжают возникать по мере развития технического прогресса.

Интерпретация понятия «собственность» в контексте интеллектуальной собственности имеет решающее значение.

Таким образом, необходимо сфокусироваться на фундаментальном вопросе о том, могут ли парадигмы «собственности», разработанные для материальных объектов, быть применимыми к нематериальным активам и в каком объеме, регулируемым правом интеллектуальной собственности, является ли интеллектуальная собственность собственностью вообще и можно ли и нужно ли рассматривать предоставляемые права как аналогичные тем, которые формируют концепцию собственности в более традиционно понимаемых формах.

Список литературы

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. // А. С. Пушкин. Москва.: АН СССР. Т. XI. С. 434.
2. Пиленко А. А. Право изобретателя. // А. А. Пиленко. М.: Статут, 2001. С. 590.
3. Сергеев А. П. Применение правил раздела II «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса РФ к отношениям интеллектуальной собственности // Закон. 2018. № 12. С. 87–95.
4. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации: законодательство и доктрина // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018. № 8. С. 16.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 8 июня 2016 г. № 308-ЭС14–1400 по делу № А20–2391/2013.
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14 августа 2020 по делу № А40–315975/19–189–274.
7. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 01.12.2023 по делу № А56–106244/2021.
8. Фалалеев А. С. Распоряжение исключительным правом автора на произведение: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Фалалеев А.С.; [Место защиты: Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности Роспатента]. — Москва, 2013.— 26 с.
9. Крыжановская А. А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный в связи с использованием сложных программных про-

- дуктов: научно-практическое исследование. // А. А. Крыжановская. — Москва, Волтерс Клувер. 2010—143 с.
10. eBay, Inc. v. Bidder’s Edge, Inc., 100 F. Supp. 2d 1058, 1060—64, 1069—70 (N. D. Cal. 2000), [Электронный ресурс] // Internet Library of Law and Court Decisions. URL: http://www.internetlibrary.com/cases/lib_case249.cfm (дата обращения 08.01.2024).
11. Register.com, Inc. v. Verio, Inc. 126 F. Supp. 2d 238 (S.D.N.Y., December 12, 2000) (Jones, J.) aff’d. 356 F.3d 393 (2d Cir. 2004) [Электронный ресурс] // Internet Library of Law and Court Decisions. URL: http://www.internetlibrary.com/cases/lib_case23.cfm (дата обращения 08.01.2024).
12. Decision of the Court of Cassation of Turkey (General Assembly) 16 January 2020 — Case No. 2019/474, Decision No. 2020/26 [Электронный ресурс] // Internet Library of Law and Court Decisions. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40319-021-01143-w> (дата обращения 08.01.2024).

УДК 347.772

Особенности правовой защиты объемных товарных знаков

Федоров Иван Алексеевич

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого

***Аннотация:** Настоящая статья посвящена анализу правовой охраны объемных товарных знаков. Зарегистрированный товарный знак позволяет продемонстрировать факт того, что компания или фирма, а также производимая ею продукция обладает уникальностью. Однако сегодня практика показывает, что в Российской Федерации отсутствуют общепринятые позиции по регистрации объемных товарных знаков, в связи с чем в некоторых случаях формируются с помощью судебной практики методы и способы защиты правообладателя при регистрации таких знаков и их использовании. В последнее время участились случаи, когда производители желают зарегистрировать трехмерный товарный знак, однако на практике зачастую им отказывают в регистрации такого знака.*

В настоящей статье дается оценка проблемных аспектов правовой охраны объемных товарных знаков в Российской Федерации, альтернативные способы защиты трехмерных обозначений. Рассмотрена судебная практика по данному вопросу, которая помогла установить баланс между интересами правообладателей объемных товарных знаков и свободным использованием традиционных форм товаров и упаковки.

Abstract: *The present article is devoted to the analysis of legal protection of three-dimensional trademarks. A registered trademark allows demonstrating the fact that a company or firm, as well as the products it produces, are unique. However, today practice shows that there are no generally accepted positions on the registration of three-dimensional trademarks in the Russian Federation. In this connection in some cases methods and ways of protection of the right holder in the registration of such marks and their use are formed with the help of judicial practice. Recently, there are more and more cases when manufacturers wish to register a three-dimensional trademark, but in practice they often receive denied registration of such a mark.*

This article evaluates problematic aspects of legal protection of three-dimensional trademarks in the Russian Federation, alternative ways of protection of three-dimensional signs. Judicial practice on this issue is considered, which helped to establish a balance between the interests of the right holders of three-dimensional trademarks and the free use of traditional forms of goods and packaging.

Ключевые слова: *объемный товарный знак, способы защиты товарных знаков, различительная способность, суд по интеллектуальным правам.*

Keywords: *volumetric trademark, trademark protection methods, distinctiveness, intellectual property rights court.*

.....

Объемные товарные 3d-знаки появились не так давно — самая первая регистрация такого знака была произведена в марте 2021 года, после того, как в силу вступил Федеральный закон № 217-ФЗ от 17.01.2021 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации».

Трехмерные товарные знаки представляют собой пространственные изображения товаров и изделий, демонстрирующие индивидуальность продукта и уникальность производителя. Подобные знаки создаются в виде объемных объектов, образованных определенным сочетанием фигурных линий и образов, которые располагаются в трехмерном пространстве.

Такие 3d-объекты должны отличаться исключительными и уникальными характеристиками внешнего вида, показывающими потенциальному покупателю особенности данного товара либо услуги.

Актуальность темы статьи определяется тем, что вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью, стоят в нашем обществе довольно остро. Многообразии форм интеллектуальной собственности требует выработки единого подхода к их правовому регулированию, применению единых правил и методов при использовании, а также защите этой формы собственности в случае нарушения прав ее владельца третьими лицами.

Объемный товарный знак сегодня становится действенным способом индивидуализировать продукцию или услугу производителя, и одновременно значимым активом, который будет характеризовать продукт правообладателя. Однако количество регистраций такого типа знаков пока относительно невелико, поскольку существуют неясности с правовой точки зрения. Основной проблемой при регистрации выступает необходимость для правообладателя доказывать, что представленный знак обладает всеми отличительными параметрами объемного товарного знака.

Учитывая вышесказанное, требуется тщательный анализ основных проблем правового регулирования процесса регистрации товарных трехмерных знаков, который помог бы найти варианты их решения.

В ходе работы нами использовались основные методы научного исследования: общеисторический, сравнительный, диалектический и другие. Нормативную основу исследования составили следующие документы: часть 4 Гражданского кодекса РФ, федеральные законы, акты Правительства, Президента и соответствующих ведомств. В работе использованы также постановления Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, акты арбитражных судов.

В ходе анализа литературы по рассматриваемой теме автором были изучены различные доктринальные источники, связанные с данной проблемой. Например, С. В. Бутенко в своем докладе указывает, что назрела глубинная проработка вопросов в области защиты интеллектуальных прав на товарные 3d-знаки, так как «потребитель видит в товарном знаке нечто внешнее, что-то, что ассоциируется с товаром, однако не является им» [2].

С. В. Ловцов в своей диссертации пишет: «Объемный товарный знак для выполнения своей функции должен существенно отличаться от обычной формы или упаковки товара, чтобы потребитель мог без труда идентифицировать производителя» [7].

В свою очередь, А. П. Рабец, касаясь определения основного отличия объемного знака от других типов товарных знаков, ставит на первое место отсутствие дискламации («слово-калька»), то есть того компонента, который входит в широкое употребление среди населения либо является общепринятым символом (термином) [10].

М. Сазонова в статье указывает, что из-за слишком малого количества судебной практики по данному вопросу возникают сложности в применении норм действующего законодательства при решении судебных споров. Суд по интеллектуальным правам регулярно указывает на ошибки Роспатента при выдаче отказа в регистрации товарных трехмерных знаков [12].

Помимо прочего, для проработки тематики статьи использовались научные работы и учебно-практические пособия Л. А. Новоселовой [8], Г. И. Гришановой [6], М. А. Рожковой [11], В. В. Орловой [9].

Согласно ст. 1482 ГК РФ, трехмерный объект может регистрироваться как товарный знак. Данный тип товарного знака отличает то, что он составлен в трехмерном пространстве из фигур, букв, линий и иных изображений, которые передают характерные особенности обертки товара либо самого товара; или же имеют образ, напрямую не связанный с продуктом [13].

Необходимым правилом при регистрации объемного товарного знака считается присутствие у него принципиальных отличий от иных продуктов подобного предназначения [13]. Однако при регистрации подобного типа товарного знака возникают проблемы доказательства того, что имеются такие отличия, которые могут выступать средством индивидуализации при визуальном оценивании.

Объемные товарные знаки в форме, не связанной напрямую с продуктом, как правило, создают меньше проблем при регистрации. Подобный абстрактный пространственный образ более соответствует традиционному видению товарного знака, будучи зависим только от самобытности оригинальной композиции [8].

Для регистрации трехмерного объекта как товарного знака он должен отвечать определенным критериям:

1. Его 3d-отображение не должно быть широко распространенным и общеупотребительным;

2. Оно должно быть нестандартным и допускать не только прямые, но и опосредованные или абстрактные представления конкретного продукта;
3. Данный трехмерный объект обязан быть нефункциональным [6].

Практика работы Роспатента говорит об установлении более жестких законодательных требований к объемным изображениям. В силу этого, за период с 2018 по 2021 годы множество свидетельств о регистрации трехмерных товарных знаков были отозваны либо отменены [16].

Способность демонстрации различия с другими подобными формами товарных знаков приходится доказывать при помощи подтверждающих документов о длительном использовании конкретного отображения, маркетинговой документации, ссылок на публикации в различных изданиях или на результаты соцопросов.

Практика Суда по интеллектуальным правам, Арбитражных судов, Роспатента не смогла выявить неотъемлемых признаков, определяющих первоначальную различительную способность формы товарного знака. Выделены лишь конкретные параметры этой формы, которые влияют на получение свидетельства о регистрации объемного знака.

Первым критерием является уникальность. Официально ни один законодательный акт не требует от трехмерных товарных знаков особой уникальности и исключительности (как от промышленных товарных образцов). На первый взгляд, данное обстоятельство выступает явным преимуществом, однако критерий оригинальной формы зачастую подвергается оцениванию в процессе судебных разбирательств [10].

Следующий обязательный критерий — узнаваемость и ассоциативность знака. Достаточно регулярно в заявке на регистрацию объемного товарного знака используют обозначения, слова, буквы, фигуры, иные изобразительные элементы, практически не позволяющие потребителю отличать аналогичный товар разных производителей. В подобной ситуации Роспатент может либо отказать в регистрации, либо зарегистрировать товарный 3d-знак, признавая его дизайн не обладающим отличительными особенностями в сравнении с другими подобными формами.

Нередко судебная практика описывает критерий «традиционности формы». Гришанова Г. И. указывала, что «чем меньше форма напоминает

ет ту форму, которую соответствующий товар обычно имеет, тем больше у нее шансов на получение правовой охраны» [6]. Например, однажды Суд по интеллектуальным правам решил отказать в регистрации товарного 3d-знака, потому что по сути своей он являлся прямоугольником (представляя очертания сухариков) [15].

Судебной практикой был сформирован еще один критерий — альтернативность либо безальтернативность формы. Практика подачи заявок предусматривает фактор презумпции отсутствующей функциональности в случае, когда у иного производителя имеется альтернативно выполненная форма. Суд в таких обстоятельствах руководствуется следующим: «безальтернативность применительно к таре для алкогольной и безалкогольной продукции предполагает не различия в цвете, силуэте и прочих подобных характеристиках, а касается непосредственно требований, предъявляемых к емкости, как к средству для хранения, удержания и транспортировки товара, находящегося внутри емкости» [14].

Второй важный вопрос, который мы считаем необходимым рассмотреть в рамках данной статьи — это соотношение промышленного образца и объемного товарного знака.

Промышленный образец создается в процессе интеллектуальной дизайнерской деятельности и содержит внешние признаки изделия, то есть те, которые видимы в ходе его использования, фактически решая эстетические задачи, а не техническо-функциональные [5]. Иными словами, созданная форма может находиться под защитой в качестве интеллектуальной собственности как промышленный образец или как трехмерный товарный знак. Соответственно, у заявителя часто возникает вопрос: в какой форме лучше всего провести регистрацию и какой именно правовой защитный режим выбрать?

Позиции специалистов по данному вопросу различаются, например, Бутенко С. В. перечисляет следующие преимущества регистрации товарного трехмерного знака:

1. Отсутствуют требования к оригинальности и уникальности;
2. Возможность охраны и изобразительной, и словесной форм;
3. Бессрочность защиты права на товарный трехмерный знак.

Статья 1491 ГК РФ гласит: «действие исключительного права на товарный знак составляет 10 лет, но существует возможность его продления неограниченное число раз».

При этом, следуя статье 1363 ГК РФ, срок действия патента равен пяти годам, возможность его продлевать существует, но на срок не более двадцати лет;

4. Нет защиты авторского имени, а также неимущественного личного права;

5. Отсутствуют факторы «преждепользования» и «послепользования» [2].

В научной среде представлена и прямо противоположная точка зрения, согласно которой приоритет при подборе правового режима отдается промышленному образцу, ведь регистрация данной формы не требует дополнительной подготовки. Отказ же в регистрации товарного объемного знака нужно будет оспаривать, прикладывая ряд дополнительных доказательств и обоснований, что из-за отсутствия единой судебной практики сделать довольно проблематично [3].

Известен и третий подход к вопросу — подход законодательства. В ситуации, когда производитель не может определиться, какой именно выбрать правовой режим, он имеет право регистрировать объемное изображение как в форме товарного знака, так и посредством патента. Однако у исследователя сразу возникает вопрос: будет ли влиять такая двойная регистрация формы и товарного знака, и промышленного образца каким-либо взаимно негативным образом?

Судебная практика устанавливает, что «наличие прав на промышленный образец не дает оснований для вывода об обладании различительной способности объемным обозначением, поскольку это два разных объекта интеллектуальной собственности с различным правовым регулированием» [16].

Итак, регистрация трехмерных товарных знаков — весьма трудоемкий процесс, что связано с отсутствием четких критериев, какие формы и обозначения будут регистрироваться и защищаться, а каким будет в этом отказано.

Как установлено выше, законодательство Российской Федерации позволяет регистрировать 3d-объекты как в виде промышленного образца,

так и в виде товарного трехмерного знака, причем выбирать правовой режим должен тот, кто подает заявление о регистрации. Статистика подтверждает большую сложность порядка регистрации в качестве объемного товарного знака, так как при этом учитывается больше критериев и предъявляются требования к отличительным особенностям трехмерного изображения. Законодательство позволяет провести параллельную регистрацию двух объектов интеллектуальной собственности: промышленного образца и товарного 3d-знака, но важно сохранить целостность взаимопересекающихся прав.

Мы можем сделать вывод, что необходимо сохранить полномочия Роспатента по ограничению числа заявок на регистрацию товарных трехмерных знаков, так как после прохождения регистрации государство должно обеспечивать этому средству индивидуализации товара постоянную правовую защиту. Одновременно надо дать четкие разъяснения на законодательном уровне по критериям регистрации объемных товарных знаков.

Список литературы

1. Бутенко С. В. Проблемы функциональности объемного дизайна, заявленного на регистрацию в качестве товарного знака // // Тезисы докладов участников XXIII международной конференции Роспатента, Москва, 2019.
2. Бутенко С. В., Плаксиенко Д. Л. Пределы правовой охраны 3D товарных знаков. Часть I // Журнал «Патенты и лицензии», № 3, 2020. С. 28–35.
3. Бутенко С. В., Плаксиенко Д. Л. Пределы правовой охраны 3D товарных знаков. Часть II. Доктрина эстетической функциональности и проблема ее реализации в России // Журнал «Патенты и лицензии», № 4, 2020. С. 14.
4. Ворожевич А. С. Пересечение прав на товарные знаки, произведения и промышленные образцы // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 18, декабрь 2017 г.
5. Горский-Мочалов В., Ендресяк А. Доктрина функциональности в товарных знаках [электронный ресурс]: режим доступа — <https://zakon>.

- ru/blog/2019/12/4/doktrina_funkcionalnosti_v_tovarnyh_znakah (дата обращения — 02.10.2022 г.).
6. Гришанова Г. И. Проблемные вопросы экспертизы объемных обозначений. Роль интеллектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества // Тезисы докладов участников XXIII международной конференции Роспатента, Москва, 2019. С. 70.
 7. Ловцов С. В. Трехмерные формы в качестве товарных знаков и промышленных образцов [Электронный ресурс]: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. — М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
 8. Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности. Средства индивидуализации: Учебник (том 3) (под общ. ред. Л. А. Новоселовой) (Статут, 2018).
 9. Орлова В. В. Право на обозначения, индивидуализирующие товары, работы, услуги, юридических лиц и предприятия: учебник для студентов высших учебных заведений / Москва: Книжный мир, 2011. С. 69.
 10. Рабец А. П. Правовая охрана товарных знаков в России: современное состояние и перспективы, — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. С. 75.
 11. Рожкова М. А. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений) // Научно-практическое пособие (под общ. ред. М. А. Рожковой), (Статут, 2015).
 12. Сазонова М. Особенности регистрации объемных товарных знаков [Электронный ресурс]: режим доступа — <http://www.garant.ru/article/1424223/> (дата обращения — 22.10.2022 г.).
 13. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов.— 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2019. С. 406.
 14. Определение Верховного Суда РФ от 12.04.2021 N 305-ЭС21–3315 по делу N А40–262864/2019 [Электронный ресурс] — режим доступа: <https://goo.su/zZF2OB> (дата обращения: 25.10.2022 года).
 15. Определение Верховного Суда РФ от 02.09.2021 N 304-ЭС21–16120 по делу N А70–19923/2020 [Электронный ресурс] — режим доступа: <https://goo.su/uPY9za> (дата обращения: 25.10.2022 года).

16. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации) [Электронный ресурс] — режим доступа: <https://www.vsr.ru/files/14984/> (дата обращения: 18.10.2022 года).
17. Решение Суда по интеллектуальным правам от 18.03.2022 по делу N СИП-1339/2021 [Электронный ресурс] — режим доступа: <https://goo.su/GdSk6v> (дата обращения: 23.10.2022 года).
18. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 декабря 2019 года № С01–916/2019 по делу № А13–11517/2018 [Электронный ресурс] — режим доступа: <https://goo.su/NzUkE> (дата обращения: 12.10.2022 года).
19. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13.06.2019 N С01–509/2019 по делу N А13–14404/2018 [Электронный ресурс] — режим доступа: <https://base.garant.ru/72269712/?> (дата обращения: 12.10.2022 года).

УДК 347.19

К вопросу о корпорациях и унитарных организациях

Макарова Ольга Александровна

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Бостриков Вячеслав Андреевич

аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета

***Аннотация:** Статья посвящена рассмотрению критериев разделения юридических лиц на корпорации и унитарные организации в современном законодательстве Российской Федерации. Выделяются и анализируются признаки указанных видов юридических лиц. Анализируя нормы законодательства, автор приходит к выводу о несовершенстве устоявшейся системы классификации юридических лиц.*

***Abstract:** The article is devoted to consideration of criteria of division of legal entities into corporations and unitary organizations in the modern legislation of the Russian Federation.*

The features of these types of legal entities are singled out and analyzed. Analyzing the norms of legislation, the author concludes about the imperfection of the established system of classification of legal entities.

Ключевые слова: *корпорация, унитарная организация, организационно-правовая форма, признаки, классификация.*

Keywords: *corporation, unitary organisation, organisational and legal form, signs, classification.*

Сложно представить современное общество без юридических лиц, они выполняют множество различных социальных и экономических функций, именно поэтому крайне важной задачей является правильное законодательное урегулирование их деятельности. В процессе развития науки права была сформирована устойчивая система юридических лиц, которая применяется и в наше время. Именно с классификации начинается изучение конкретных видов организационно-правовых форм, именно их принадлежность к тому или иному виду предопределяет способ законодательного урегулирования их деятельности. Классификация является основой и фундаментом, поэтому невозможно переоценить ее значимость, любое вмешательство в ее структуру станет началом целого снежного кома законодательных изменений и новшеств.

Тем не менее усматривается необходимость такого вмешательства, в особенности в части разделения организационно-правовых форм на корпорации и унитарные организации.

Законодательное закрепление термина «Корпорация» в отечественном законодательстве произошло с введением Федерального закона от 05.05.2014 № 99 ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [2], на сегодняшний день определение закреплено в статье 65.1. Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и имеет следующий вид: «Юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с пунктом 1 статьи 65.3 настоящего Кодекса, явля-

ются корпоративными юридическими лицами (корпорациями)» [1]. Из приведенного определения можно выделить три признака, по которым в отечественном законодательстве разделяются корпорации и унитарные организации:

1. Множественность учредителей (участников);
2. участие (членство) учредителей в юридическом лице;
3. формирование высшего органа учредителями (участниками).

Следует отметить, что данное определение является не единственным, в статье 48 ГК РФ закреплено иное: «К юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют корпоративные права, относятся корпоративные организации» [1], однако оно не отражает сложившегося подхода к определению корпорации и, кроме того, содержит логическую ошибку — тавтологию. В связи с этим в дальнейшем за основу будет взято первое приведенное определение.

Вызывает вопросы приведенное после указанного определения перечисление юридических лиц, относимых законодательством к корпорациям. Наличие дефиниции само по себе должно быть достаточным для правильной классификации чего бы то ни было, в связи с чем возникает несколько тезисов:

1. Не все причисленные законодателем к корпорациям юридические лица обладают необходимыми признаками;
2. законодатель относит к корпорациям не все юридические лица, обладающие необходимыми признаками.

Для формирования более полной картины представляется необходимым рассмотреть следующий абзац приведенной статьи, в котором дается определение унитарным юридическим лицам, а именно — само определение: «Юридические лица, учредители которых не становятся их участниками и не приобретают в них прав членства, являются унитарными юридическими лицами». Проанализировав данное определение можно прийти к выводу, что два из трех ранее выведенных признаков в нем отсутствует. Согласно определению, унитарным юридическим лицом будет считаться любое юридическое лицо, учредитель (учредители) которого не является его участником. Однако на деле это не всегда соответствует действительности.

Для примера рассмотрим такую организационно-правовую форму как религиозная организация, которая является добровольным объединением граждан для совместного исповедания и распространения веры. Стоит обратить внимание, что законом не запрещается участие учредителя в деятельности такой организации и формирование им высшего органа религиозной организации, более того, закон не устанавливает запрет на ее учреждение несколькими лицами. В результате религиозная организация, образованная несколькими лицами, участвующими в ее деятельности и формирующими высший орган будет соответствовать всем признакам корпорации, но при этом все равно будет формально отнесена к унитарным юридическим лицам.

Еще одно противоречие можно наблюдать, рассматривая общества с ограниченной ответственностью. Согласно п. 2 ст. 88 ГК РФ: «Общество с ограниченной ответственностью может быть учреждено одним лицом или может состоять из одного лица, в том числе при создании в результате реорганизации» [1]. Таким образом, общество с ограниченной ответственностью в случае, когда оно учреждено только одним лицом, не соответствует понятию «корпорация» в связи с отсутствием выделенного нами признака множественности лиц и в то же время не соответствует понятию унитарной организации в связи с участием учредителя в деятельности организации. В науке такие общества называют компанией одного лица, но при этом продолжают классифицировать их как корпорации, что представляется не до конца обоснованным.

Например, Е. А. Суханов под корпорацией понимает юридическое лицо, созданное участниками на основании договора для достижения общей цели путем объединения и совместного использования имущественных взносов на началах членства [4]. Кроме того, автором указывается на возможность существования корпораций с единственным участником, созданных на основании односторонней сделки, на которые законом распространяются правила о корпорациях. Приведенное мнение достаточно точно отражает природу корпораций, тем не менее вопрос о компаниях одного лица требует более детального рассмотрения. Более того, смысл определения какого-либо объекта состоит в возможности его обособления и вычленения от всего прочего, называя корпорацией организацию,

на которую распространяются нормы закона о корпорациях, мы вновь приходим к логической ошибке.

Сама возможность существования таких компаний является в науке спорной, например И. Т. Тарасов указывал: «Так как акционерная компания есть *universitas personarum* (объединение лиц — авт.), то она должна состоять из нескольких акционеров» [5]. Того же мнения придерживался и Г. Ф. Шершеневич: «Так как акционерное товарищество является соединением, то оно не может состоять менее чем из двух лиц» [6] и М. И. Кулагин: «Действительно, как можно применять к компании одного лица положения о порядке проведения общих собраний участников, назначении директоров, отчетности одних органов компании перед другими, если присутствует на всех собраниях только один участник» [3].

Несмотря на достаточно веские причины невозможности существования таких компаний, они были признаны зарубежным сообществом. С точки зрения экономической обоснованности компании одного лица имеют право на существование поскольку того требует развитие рыночных отношений и предпринимательства, однако невозможно согласиться с принятой классификацией таких компаний. Сущность компании одного лица сводится к индивидуальному предпринимательству с ограниченной ответственностью, что не соответствует ни концепции «общество» по вполне понятным причинам, ни концепции «корпорация» по причине отсутствия признака множественности лиц. Представляется вполне обоснованным выделить компанию одного лица в качестве самостоятельной организационно-правовой формы, отличной от индивидуального предпринимательства и в то же время лишенной корпоративных механизмов, которые требуют наличия нескольких лиц, поскольку в данном случае они являются атавизмом.

Учитывая все вышеизложенное, крепнет убеждение в истинности озвученных ранее тезисов. Определение, которое требует перечисления относимых к нему объектов не может являться достаточно всеобъемлющим и состоятельным, поскольку оно не определяет само по себе принадлежности той или иной организационно-правовой формы к конкретному виду, не позволяет правильно ее классифицировать.

Несмотря на указанное несовершенство, с точки зрения практической пользы подобное положение дел является вполне обоснованным,

поскольку одну организационно-правовую форму нельзя отнести и к корпорациям, и к унитарным организациям, так же как не может корпорация перестать являться таковой в связи с выбытием всех участников кроме одного. Иное повлекло бы за собой множество если и реализуемых, то весьма энергозатратных задач на практике в связи с различиями в правовом режиме этих видов организационно-правовых форм.

Основываясь на анализе и сопоставлении выведенных признаков корпораций и унитарных юридических лиц, можно прийти к выводу, что основным критерием разделения организационно-правовых форм на эти два вида является возможность участия учредителей в деятельности организации, что не вполне соотносится с классическим пониманием данных определений.

Обратимся к первоначальному смыслу, заложенному в термин *congratio* — «объединение», синонимом термина унитарный в то же время является «единый». Ни первое, ни второе никаким образом не подразумевает участия или его отсутствия, это совершенно иной признак, — количественный. Представляется обоснованным дополнить систему классификации организационно-правовых форм критерием участия, исключив его при этом из рассматриваемых двух видов, поскольку он не имеет к ним никакого отношения, а лишь замещает первоначально заложенный в них смысл. Подобное новшество способно устранить выявленные теоретические проблемы классификации организационно-правовых форм, кроме того, оно позволит более комплексно подойти к регулированию деятельности отдельных юридических лиц.

Резюмируя результаты проведенного исследования хочется обратить внимание на выявленные проблемы сложившейся системы классификации организационно-правовых форм в части разделения их на корпорации и унитарные юридические лица. Анализ законодательства показал, что часть организационно-правовых форм отнесена к тому или иному виду по формальному признаку, поскольку это необходимо для реализации юридического регулирования таких форм без лишних временных и иных затрат. Тем не менее, такой подход нельзя назвать полноценным, применение к компаниям одного лица правил, применяемых в отношении корпораций напоминает аналогию закона, а подобный правовой

инструмент в свою очередь применяется при выявлении пробела в праве. Представляется необходимым преодолеть этот пробел, закрепить новую организационно-правовую форму с особым правовым режимом, который будет соответствовать ее правовой природе. Естественно, что подобные действия должны быть комплексными, реализуемыми в рамках нескольких отраслей права, иметь свои ограничения, в противном случае индивидуальное предпринимательство с ограниченной ответственностью полностью заменит собой привычную нам форму индивидуального предпринимательства по вполне очевидным причинам. В любом случае, эта организационно-правовая форма уже существует, просто она не выделена как самостоятельная.

Более того, усматривается замещение изначального, количественного признака корпорации и унитарного юридического лица признаком участия. Было бы обоснованным выделить признак участия в качестве отдельного критерия для целей классификации юридических лиц. Развитие экономических отношений время от времени требует пересмотра устоявшихся правовых концепций, как и развитие любых других отношений иногда требует пересмотра каких-либо концепций, в этом и заключается прогресс.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 24.07.2023 № 351-ФЗ) (ред. от 24.07.2023) // Российская газета.— 2023 г.— № 168 (9113).
2. Закон Российской Федерации «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 05.05.2014 № 51-ФЗ // Российская газета.— 2014 г.— № 101 (6373).
3. Кулагин М. И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. М.: Статут,— 2004.— 363 с.
4. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут,— 2014.— 456 с.

5. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях: [В 2 вып. Вып. 1–2]. — 2-е изд., изм. и доп. «Положением об акционерных обществах». — Ярославль: тип. Г. Фальк, 1879–1880. Акционерный капитал, акция, акционер, управление, ликвидация и погашение акций.— 1880. — вып. 2,— 296 с.
6. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые сделки. — М.: Статут,— 2005.— 480 с.

УДК 347.2/.3

Актуальные проблемы выдела доли в общем имуществе при процедуре несостоятельности (банкротства) гражданина-должника

Суворова Екатерина Юрьевна

аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности выдела доли, установленные действующим законодательством при включении в конкурсную массу единственного пригодного для проживания жилого помещения гражданина-должника. Установлено, что наличие в семье гражданина-должника несовершеннолетних детей, у которых определена доля в общем имуществе может послужить основанием для отказа судом в удовлетворении требований финансового управляющего в снятии исполнительского иммунитета. Уведомление собственников общей долевой собственности в недвижимом имуществе о реализации доли гражданина-должника с публичных торгов гарантирует соблюдение конституционных прав и законных интересов.*

***Abstract:** The article considers the peculiarities of share allocation established by the current legislation at inclusion of the only habitable dwelling of a debtor citizen in the bankruptcy estate. It is established that the presence of minor children possessing a share in the common property in the family of a debtor citizen can be the basis for refusal by the court to satisfy the requirements of the financial manager in removal of executive immunity. Notification of the co-owners of the common share property in real estate of the realization of the share of the debtor from public auction guarantees the observance of constitutional rights and legal interests.*

***Ключевые слова:** доля в праве, общедолевая собственность, собственник, выдел доли, реализация имущества должника, единственное недвижимое имущество, преимущественное право покупки.*

Keywords: share in the right, joint ownership, owner, allotment of share, realisation of debtor's property, sole immovable property, pre-emptive right of purchase.

Проблемы, связанные с субъективными правами владельцев долей в недвижимости, возникших на правах общей собственности, при реализации механизма банкротства (несостоятельности) должника для проведения товарно-денежных расчетов с кредиторами и их исследование, в настоящее время заслуживают особого внимания. Стоит отметить, что в отечественной доктрине достаточно подробно отражены правовые вопросы, касающиеся банкротства и долевой собственности. Однако, несмотря на это, отсутствует системный анализ содержания правоотношений между сособственниками общего долевого имущества в ситуациях, когда доля должника включается в конкурсную массу. Особенно остро стоит вопрос с совместной собственностью мужа и жены. В законодательстве не отражены негативные последствия для супруга (текущего или бывшего) при разделе его совместной собственности с должником. В правоприменительной практике также не выработан единый подход к разрешению споров, связанных с продажей единственного пригодного для проживания жилья (далее по тексту — единственного жилья) для покрытия обязательств должника перед кредиторами.

Согласно ст. 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту — Закон о банкротстве) [3] после того, как Арбитражный суд признает гражданина банкротом, его имущество должно быть реализовано. В список имущества, которое продается на публичных торгах, помимо прочего, входит недвижимость, на которую у должника есть право собственности.

Важно отметить, что процедура банкротства должна реабилитировать должника, восстановить его платежеспособность и помочь выполнить финансовые обязательства перед кредиторами. То есть ключевой целью механизма является удовлетворение требований кредиторов путем проведения публичных торгов по продаже имущества должника [8]. По замечанию Е. А. Злобиной, законодательные меры не всегда дают возможности для сохранения имущества, так как задача экономических регуляторов заклю-

чается в том, чтобы обеспечить устойчивость и стабильность экономических отношений [6]. Поэтому существует отдельный процессуальный институт, позволяющий применять исполнительский (или имущественный) иммунитет для предупреждения нарушения прав собственников недвижимости. Его использование тесно связано с рыночной стоимостью жилья, суммой долга и проявлением добросовестности при описи имущества со стороны должника. Все это представляется вполне закономерным.

В 2021 году КС РФ [1] была допущена возможность для кредиторов реализовывать их единственное жилье в ходе процедуры банкротства в случае, когда площадь такой недвижимости отвечает минимальным требованиям жилищных условий для последующего проживания должника и его семьи. Помимо этого КС РФ отметил необходимость соответствия стоимости имущества или доли размеру долга.

Многие авторы научной литературы сходятся во мнении, что КС РФ не установил признаки и критерии, которыми могли бы руководствоваться суды, определяющие понятие «роскошного жилья». Так, Д. Гайдин [5] считает, что под этим термином нужно понимать недвижимое имущество, параметры которого (площадь, цена) выше разумных потребностей должника его семьи в жилье. В каждом конкретном случае подход к определению критерия «роскошности» индивидуальный. Конечно же, при удовлетворении использования исполнительского иммунитета должны браться в расчет самые разные данные: положение должника, наличие у него обязательных платежей (например, алиментов), площадь единственного жилья, наличие прочего недвижимого имущества, совершенные до признания гражданина банкротом сделки с имуществом [7].

В Определении ВС РФ от 1 ноября 2022 года N 304-ЭС22–15217 по делу N А03–14122/2017 судом было указано, что отчуждение единственного жилья с целью сохранить его в семье, в которой воспитываются несовершеннолетние дети, не должно быть основанием для ограничения или снятия имущественного иммунитета.

Притязания кредиторов не должны нарушать или ограничивать законное право гражданина на единственное жилье. Это правило установлено в ст. 35 и 40 Конституции РФ. Оно особенно касается тех случаев, когда доля в спорном объекте недвижимости имеется у несовершеннолетних

детей. Для соблюдения принципов равенства сторон и экономической целесообразности должник по собственной инициативе может изменить место жительства или пребывания, если жилищные условия стали хуже вследствие отказа в применении имущественного иммунитета. В такой ситуации положение должника при процедуре признания финансовой несостоятельности с учетом всех критериев является справедливым и разумным.

Серьезным дополнением в правовом регулировании процедуры банкротства является Постановление КС РФ от 16 мая 2023 года N 23-П, которое содержит результаты рассмотрения жалобы гражданина В. В. Шестакина о соответствии Конституции п. 1 ст. 250 ГК РФ [2]. Так КС РФ указал, что при реализации доли с публичных торгов применяются правила ст. 250 ГК РФ (далее — ГК РФ). Это значит, что в обязанности финансового управляющего входит уведомление сособственников о грядущей продаже доли должника. Это должно быть сделано до того, как стартуют публичные торги для реализации долевого имущества

Справедливость нового законодательного подхода видна особенно ярко в ситуациях, когда на недвижимость распространяется режим совместной собственности мужа и жены. При разделе их имущества до его реализации с публичных торгов выявляется доля супруга-должника. Именно она идет в конкурсную массу. В правоприменительной практике выработаны правила осуществления преимущественного права покупки доли в недвижимости. Они позволяют сохранить баланс интересов членов семьи должника и не допустить нарушения прав лиц, добросовестно победивших в публичных торгах.

Стоит отметить, что у мужа или жены должника могут возникать затруднения в случае, когда совместное имущество выставляется на торги без определения доли каждого из супругов. У В. В. Витрянского находим справедливое замечание, что при прямой продаже имущества должника с торгов полностью игнорируются права собственника данного имущества [4]. Когда недвижимое имущество реализуется в ходе публичных торгов, права супруга/супруги должника нередко нарушаются. В ст. 213.26 Закона о банкротстве [3] указано, что в случаях, когда супруги не установили режим долевой собственности путем заблаговременно с помощью оформле-

ния брачного договора или супруг должника не использовал свое право на защиту, недвижимое имущество должно быть реализовано. Супруг получает материальную компенсацию из вырученных при продаже имущества средств.

Интересно рассмотреть Постановление АС СЗО от 31 августа 2021 года N Ф07–13127/2021. В нем указывается, что супругой должника были правомерно заявлены требования о нарушении ее прав на преимущественную покупку доли жилья должника. В соответствии с этим она потребовала признать сделку недействительной и применить последствия ее недействительности. Суд установил, что финансовый управляющий включил доли в недвижимом имуществе должника в конкурсную массу, они были проданы в ходе публичных торгов. Судебные органы отметили, что фактические сособственники (несовершеннолетние дети) не могли воспользоваться преимущественным правом покупки, так как не были уведомлены об этом финансовым управляющим. Поэтому суд сделал вывод, что требования заявителя в лице законного представителя детей должны быть удовлетворены.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что правоприменительная практика по применению имущественного иммунитета и исключению единственного жилья из конкурсной массы исходит из фактических обстоятельств и конкретных особенностей дела.

Для реализации преимущественного права покупки доли в недвижимости должника в ходе банкротства финансовый управляющий должен надлежащим образом уведомить участников долевой собственности о том, что будут проводиться торги, сообщить им первоначальную стоимость продаваемого имущества.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. N 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» // Российская газета.— 2023 г. — N 98 (3290).

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 г. N 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Шеставина» // Российская газета.— 2023 г. — N 120 (3793).
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 25 декабря 2023 года N 655-ФЗ) (ред. от 25.12.2023) // Российская газета от 01 января 2024 г. — N 1
4. Витрянский В. В. Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателям // Хозяйство и право.— 2015. — N 4. — С. 3–29.
5. Гайдин Д. Выселение из жилого помещения вследствие банкротства // Жилищное право.— 2022. — N 11. — С. 55–63.
6. Злобина Е. А. Содержание механизма «реабилитации» в процедурах банкротства гражданина // Судья.— 2016. — N 7. — С. 31–32.
7. Карелина С. А. Особенности реализации общеправовых принципов в процессе банкротства граждан // Закон.— 2023. — N 6. — С. 15–24.
8. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / А. З. Бобылева, Д. Е. Горев, Ю. А. Зайцева и др.; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. — М.: Юстицинформ, 2022.— 312 с.

УДК 342.25.614

Деятельность органов местного самоуправления по обеспечению противопожарной безопасности

Гавриловских Никита Витальевич

студент факультета Государственного и муниципального управления
Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы
МЧС России

Аннотация: В работе приводится определение противопожарной безопасности, исследуется его содержание. Также в работе охарактеризована деятельность органов местного самоуправления, связанная с обеспечением противопожарной безопасности, рассмотрен перечень их полномочий, источники правового регулирования и гарантии

по практическому осуществлению подобных полномочий. Особое внимание в работе уделено обнаружению проблем в деятельности органов муниципального управления, связанной с обеспечением противопожарной безопасности, и подготовке мер профилактического характера, позволяющих справиться с угрозой и исключить вероятность её повторного появления. Дается оценка целесообразности практического выполнения предлагаемых мер по профилактике.

Abstract: The definition of fire safety is given, its content is investigated. Also, the work characterizes the activities of local government bodies related to fire safety, considers the list of their powers, sources of legal regulation and guarantees for the practical implementation of such powers. Particular attention is paid to the detection of problems in the activities of municipal government bodies related to fire safety, and the preparation of preventive measures to cope with the threat and exclude the possibility of its reappearance. The feasibility of practical implementation of the proposed preventive measures is assessed.

Ключевые слова: обеспечение противопожарной безопасности, органы местного самоуправления, противопожарная безопасность, пожарная безопасность, нарушение требований пожарной безопасности, свод правил пожарной безопасности.

Keywords: fire safety, local governments, fire safety, fire safety, violation of fire safety requirements, code of fire safety rules.

Противопожарную безопасность также называют пожарной безопасностью. Законодательная характеристика этого термина приведена в ст. 1 Федерального закона № 69-ФЗ от 21.12.1994 г. «О пожарной безопасности». В этом законе под пожарной безопасностью предполагается «состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров» [3].

Необходимость пожарной безопасности обусловлена обеспечением защиты людей, общества, имущества и всего государства от возникновения пожаров. Обеспечить пожарную безопасность можно с помощью подготовки и выполнения на практике совокупности управленческих мер. Эти мероприятия помогают уменьшить вероятность появления пожара [5, с. 21].

Основу пожарной безопасности составляет предотвращение пожаров. Как раз защищённость от них и является базой для обеспечения пожарной безопасности. Под пожаром предполагается неконтролируемый вариант

горения, наносящий материальный урон и вред человеческому здоровью, ущерб жизни людей, а также вред государственным и общественным интересам.

Обеспечение пожарной безопасности входит в компетенцию как органов власти, так и работающих в них должностных лиц. К примеру, у органов местного самоуправления есть нужные компетенции и полномочия, связанные с подготовкой мер профилактического характера. Разрабатываемые мероприятия направлены на недопущение риска появления и распространения пожаров, способных негативно сказаться на людях, государстве и обществе [7, с. 32].

Тем самым органы местного самоуправления разрабатывают и реализуют муниципальную политику в области обеспечения пожарной безопасности. Так, они решают вопросы местного значения.

Итак, обеспечение пожарной безопасности относится к вопросам местного значения, решаемым органами муниципального управления. Об этом свидетельствуют также положения Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Например, если обратиться к ч. 1 ст. 14 этого закона, то можно сделать вывод, что обеспечение первичной пожарной безопасности входит в перечень вопросов местного значения, решаемых в сельских и городских поселениях. Этот вопрос местного значения решают как в этих муниципальных образованиях, так и в некоторых иных [4]. К примеру, обеспечение пожарной безопасности также необходимо в городских округах, во внутригородских муниципальных образованиях и т.д.

Органами муниципального управления реализуются их полномочия, связанные с пожарной безопасностью. Перечень таких полномочий указан в ст. 19 Федерального закона № 69-ФЗ от 21.12.1994 «О пожарной безопасности». В соответствии с законом, в их состав входит: «создание условий для организации добровольной пожарной охраны, а также для участия граждан в обеспечении первичных мер пожарной безопасности в иных формах, оснащение территорий общего пользования первичными средствами тушения пожаров и противопожарным инвентарем» и т.д.

Чтобы решить вопросы местного уровня, включая те, что связаны с обеспечением пожарной безопасности, органами муниципального

управления формируется своя система. В систему органов муниципального управления включены исполнительно-распорядительные, представительные, а также контрольно-счётные органы [6, с. 27].

Подготовкой и выполнением муниципальной политики в сфере соблюдения пожарной безопасности занимаются исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления. Например, местные администрации муниципалитета.

К их компетенции в этой области относятся:

- подготовка мер, связанных с профилактикой появления пожаров и обеспечением пожарной безопасности на муниципальной территории;
- характеристика направлений и ориентиров обеспечения пожарной безопасности в рамках муниципалитета и т.п. [8, с. 24].

Управление работой муниципалитета и местной администрации возлагается на главу. Также у него есть полномочия, позволяющие решать различные вопросы муниципального уровня. Это относится и к вопросам, связанным с обеспечением пожарной безопасности. К примеру, глава муниципального образования или местной администрации может издать распоряжения, требования, связанные с введением нормативов в области обеспечения пожарной безопасности в рамках муниципалитета.

У органов муниципального управления в области обеспечения пожарной безопасности есть также полномочия по привлечению виновных лиц к правовой ответственности, если выявлен риск совершения такими лицами правонарушений, приводящих к появлению пожаров. В соответствии с тяжестью осуществлённых ими неправомерных действий, возможны такие меры правовой ответственности:

- уголовная ответственность (по ст. 219 УК РФ) — если нарушаются требования по пожарной безопасности [1];
- административная ответственность: по ст. 20.4 КоАП РФ, если нарушаются требования по пожарной безопасности, по ст. 11.16 КоАП РФ — если нарушаются требования по пожарной безопасности в рамках морского, железнодорожного, внутреннего водного либо воздушного транспорта и т.п. [2].

Чтобы обеспечить пожарную безопасность, органы муниципального управления полагаются на перечень правил. Среди них можно отметить:

1. «СП 518.1311500.2022. Свод правил. Навесные фасадные системы с воздушным зазором. Обеспечение пожарной безопасности при монтаже, эксплуатации и ремонте»;
2. «СП 514.1311500.2022. Свод правил. Временные здания и сооружения для проведения мероприятий с массовым пребыванием людей. Требования пожарной безопасности»;
3. «СП 1.13130 Свод правил. Системы противопожарной защиты. Эвакуационные пути и выходы» и т.д.

Если соблюдать указанные своды правил, то это уменьшит вероятность появления пожаров, а также их сократит их отрицательное воздействие на здоровье и жизнь местных жителей.

У органов муниципального управления есть официальный перечень полномочий, связанных с обеспечением пожарной безопасности. При этом не во всех ситуациях такие полномочия приводят к положительным результатам. Это связано с наличием таких проблем:

1. Нет показателей, позволяющих оценить успешность работы органов муниципального управления, связанной с обеспечением пожарной безопасности. Эта проблема обусловлена тем, что на официальном уровне не подготовлены показатели для оценки успешности работы органов муниципального управления, связанной с обеспечением пожарной безопасности.
2. Проблема, связанная с отсутствием отчётной документации о работе органов муниципального управления, связанной с обеспечением пожарной безопасности. В результате появляется проблема, связанная с оцениванием успешности работы органов муниципального управления, связанной с обеспечением пожарной безопасности в рамках территории отдельного муниципалитета.

Не подготовлены современные управленческие механизмы, позволяющие улучшить обеспечение пожарной безопасности. Эта проблема вызвана тем, что не в каждом муниципалитете подготовлены современные механизмы управления, позволяющие улучшить обеспечение пожарной безопасности. В результате появляются сложности с выбором направлений улучшения этого обеспечения.

Указанные и другие проблемы способны оказать отрицательное воздействие на состояние обеспечения пожарной безопасности на уровне отдельного муниципалитета. Поэтому следует решить эти вопросы с помощью подготовки и выполнения на практике целой совокупности мероприятий:

1. Формирование показателей для оценки успешности работы органов муниципального управления в области обеспечения пожарной безопасности. Сюда можно отнести:
 - степень удовлетворения жителей муниципалитета результатами работы органов муниципального управления в области обеспечения пожарной безопасности, в процентах;
 - число происшествий, обусловленных пожарами, которые удалось избежать за счёт усилий со стороны органов муниципального управления, в единицах;
 - число обращений людей в органы муниципального управления по вопросам, связанным с обеспечением пожарной безопасности, в единицах;
 - иные показатели.
2. Подготовка отчётной документации о работе органов муниципального управления, связанной с обеспечением пожарной безопасности. Предусмотрена подготовка методических указаний о структуре шаблона ежегодно предоставляемого отчёта о работе органов муниципального управления, связанной с обеспечением пожарной безопасности. В рамках этого документа следует отразить сведения об итогах работы органов муниципального управления в отчётном периоде, связанной с обеспечением пожарной безопасности. Также следует отдельно рассмотреть имеющиеся проблемы и наметить направления, позволяющие их решить.
3. Подготовка передовых управленческих механизмов для улучшения обеспечения пожарной безопасности. Сюда можно отнести стратегии, программы и проекты по улучшению обеспечения пожарной безопасности. В них предусмотрена фиксация задач, целей, показателей, сроков и итогов подобных мероприятий. Например, результаты работы органов муниципального управления в рассматриваемом направлении.

Итак, можно прийти к выводу, что органы местного самоуправления, как и иные субъекты управления, обладают компетенцией в области обеспечения пожарной безопасности. Это позволяет им реализовывать свои полномочия, связанные с профилактикой рисков и борьбой с последствиями возникновения пожаров. Также они могут воспользоваться мерами правовой ответственности для наказания виновных лиц. Для всего этого обязательно предусматривается правовое регулирование.

Список литературы

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, N 25, 17.06.1996, ст. 2954.
2. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1.
3. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 декабря 1994 г. N 35 ст. 3649.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, N 40, 06.10.2003, ст. 3822.
5. Бектобеков Г. В. Пожарная безопасность / Г. В. Бектобеков.— 5-е изд., стер. — Санкт-Петербург: Лань, 2023.— 88 с.
6. Белякин С. К. Системы обеспечения пожарной безопасности: учебное пособие / С. К. Белякин. — Курган: КГУ, 2019.— 250 с.
7. Каменская Е. Н. Пожарная безопасность: учебное пособие / Е. Н. Каменская. — Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2022.— 132 с.
8. Канаев А. А. Пожарная безопасность: учебное пособие / А. А. Канаев. — Мурманск: МГТУ, 2020.— 324 с.

УДК 342

Право на аборт в США и Российской Федерации: генезис регулирования и современное положение законодательства

Евдокимов Александр Сергеевич

студент Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии
имени В. Б. Бобкова

Гаврилова Жанна Михайловна

студент Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии
имени В. Б. Бобкова

Научный руководитель **Киченина Виктория Сергеевна**

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой
Международно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского филиала
Российской таможенной академии имени В. Б. Бобкова

***Аннотация:** Рассматривая вопрос о допустимости проведения аборт, возможности распоряжаться своими репродуктивными правами свободно, необходимо определить в каких случаях и в какой временной период такое право будет считаться приемлемым и допустимым с точки зрения законодательных норм. Для этого авторы проанализировали развитие законодательства по вопросу урегулирования прав женщин на аборт на примере американского права и права РФ; определили взаимосвязь уровня медицины, государственной демографической политики, моральной и этической оценки аборт с правовым урегулированием и реализацией этого права.*

***Abstract:** Considering the issue of the admissibility of abortion, the possibility to dispose of one's reproductive rights freely, it is necessary to determine in what cases and in what time period such a right will be considered acceptable and admissible from legislative point of view. For this purpose, the authors analyzed the development of legislation on the issue of regulating women's rights to abortion on the example of American law and Russian law. They determined the relationship between the level of medicine, state demographic policy, moral and ethical assessment of abortion and the legal regulation and implementation of this right.*

***Ключевые слова:** право на аборт, право, американское право, частная жизнь, демография, репродуктивное здоровье.*

***Keywords:** abortion rights, law, American law, privacy, demographics, reproductive health.*

В этой статье авторы рассматривают одну из тем для дискуссий современности — право на аборт, вопросы его происхождения и развития с точки зрения права США и России. Актуальность данного вопроса заключается в том, что право человека на жизнь было закреплено еще в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека 1948 года. [1] Сейчас, наряду с другими фундаментальными правами это право стоит во главе гуманистических ценностей общества XXI века. Аборт с одной стороны затрагивает право женщины на прерывание нежелательной беременности, с другой — посягает на право жизни потенциального человека. При рассмотрении человека как личности, способной автономно, сознательно и рационально действовать, воспринимать себя, встает вопрос о праве на аборт, его допустимости или недопустимости. Законодатель, в свою очередь, также регламентирует порядок и пределы использования данного права, решает вопрос об ответственности за нарушения установленных норм.

Изначально американское право представляло из себя интерпретацию английских статутов местными судами [8]. При условии адаптации норм общего права к 1800 году в США прерывание беременности до 4–5 месяцев не являлось преступным.

На протяжении XIX века штатами велась последовательная работа по регулированию аборт. Так, например, в 1821 году парламент Коннектикута запретил продажу в магазинах штата медицинских средств, предназначенных для прерывания беременности и провоцирующих выкидыш после 4–5 месяца. В Миссури (1825) и Иллинойсе (1827) такой запрет был распространен вне зависимости от срока беременности женщины. В 1829 году в Нью-Йорке начал действовать закон, квалифицирующий аборт до 4–5 месяца как правонарушение (*misdemeanour*), а после этого срока — как преступление (*felony*) [9]. В течение последующих 60 лет другие штаты по примеру Нью-Йорка также законодательно устанавливали уголовную ответственность за проведение аборта. Самое большое количество актов было принято 1860-е и 1870-е годы, их было издано более 40: в 13 штатах аборты подверглись прямому запрету, а по меньшей мере в 21 штате — особому регулированию. Эти запреты массово поддерживала общественная кампания медиков, выступающих против аборт [8]. Таким образом можно констатировать, что законодатель прямо выражал отно-

шение общества к вопросу деторождения, а общий вектор государственной политики был направлен на ограничение практики аборт.

В некотором смысле до XX века законодательные запреты аборт были направлены на защиту здоровья беременной женщины и делали процедуру более строгой и профессиональной, так как при существующем уровне медицины и ее методах женщины подвергали свое здоровье большому риску. Однако с течением времени такая необходимость во многом потеряла свою актуальность. Вопрос регулирования аборт к 1950 годам и стал многосторонним: включал в себя демографические аспекты, профессиональные медицинские темы, вопросы морали и этики, правовые дискуссии. Обсуждению способствовало движение по либерализации в сфере гражданских прав, лидером которого был активист Мартин Лютер Кинг. Он говорил, что “репродуктивная автономия напрямую связана со свободой женщин, их достоинством и здоровьем” [2], а нежелательные и незапланированные беременности являются злом и требуют контроля.

Одним из первых важных актов стало решение Верховного Суда США 1965 года в деле «Грисвольд против Коннектикута», в котором на основании 9 поправки к Конституции было определено право семьи на покупку средств контрацепции без государственного ограничения.

Следующим из ключевых дел стало дело Нормы МакКорви (которая в делопроизводстве была названа псевдонимом «Джейн Роу») [3] против Генри Уэйда — окружного прокурора штата Техас. Женщина подала иск о нарушении своих конституционных прав — права на аборт как составляющей права на частную жизнь. Верховный Суд, также основываясь на 9 поправке Конституции США, вынес решение в пользу МакКорви в 1973 году. Так было установлено ограничение на произвольные законодательные запреты штатов, связанные с проведением аборт на ранних стадиях беременности. В дальнейшем такой подход был детализирован в решении “Планирование семьи (НКО) против Кейси” 1992 года [4], в котором Верховный Суд ввел ряд изменений в исчислении периодов беременности, введя более гибкое регулирование, и позволил штатам вводить некоторые ограничения в праве на аборт на ранних стадиях беременности. Так на несколько десятилетий аборт стал правом, требующим оснований, но всё же вытекающим из Конституции США.

Правовое регулирование искусственного прерывания беременности в США претерпело серьезные изменения после принятия Верховным судом США 24 июня 2022 года решения в деле «Доббс против Женской организации здравоохранения Джексона» [5], в котором Суд пересмотрел Кодекс Миссисипи о гестационном возрасте (сроках развития плода) от 2018 года, запрещающий аборт после 15 недели беременности, за исключением случаев, когда беременность напрямую угрожает здоровью женщины или имеет место экстренная медицинская ситуация в связи с серьезной аномалией плода. В результате были отменены решение “Роу против Уэйда” от 1973 года, а также решение от 1992 года “Планирование семьи против Кейси”. С даты вступления решения Суда в силу каждый из штатов вправе самостоятельно решать вопрос о правилах проведения аборта и вправе самостоятельно определять границы между “потенциальной жизнью” и “женщиной, которая желает сделать аборт”.

Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет оценивает в своем заявлении такое решение Суда как «крупный шаг назад после пятидесяти лет защиты сексуального и репродуктивного здоровья» [7].

Данное ужесточение прав на аборт не является чем-то радикальным, поскольку даже в период действия решения «Роу против Уэйда» параллельно происходили обсуждения на тему деторождения, итогом которых можно считать принятие под уголовно-правовую защиту плода человека, статус которого в качестве объекта защиты был приравнен к статусу рожденного человека. Был принят закон о нерожденных жертвах насилия 2004 года, где плод был признан «полноправным членом человеческого сообщества на любой стадии внутриутробного развития» [6]. Хотя данное положение и нельзя рассматривать в виде полноценного уравнивания статусов рожденного и нерожденного ребенка, но на него можно взглянуть как на желание законодателя усилить защиту неродившегося плода и проработать его понимание со стороны общественно-государственного отношения.

Стоит сказать, что вопрос аборт — одна из главных тем, которые делят американское политическое общество пополам. По отношению к ней можно с высокой точностью понять за какую из двух партий человек будет голосовать — за Республиканскую или за Демократическую. На сегодняш-

ний день в публичных дискуссиях участники делятся на два разных движения — консервативное «pro life» (в защиту жизни) и либеральное «pro choice» (в защиту выбора), в чем просматривается желание активистов закрепить за собой наиболее подходящую смысловую рамку.

45 Президент США Дональд Трамп в ходе президентской кампании 2016 года и всего президентского срока причислял себя к движению “pro life” и впоследствии был удовлетворен решением Верховного Суда, в то время как 46 Президент США Джозеф Байден посчитал решение суда трагической ошибкой и по какой-то причине даже назвал его реализацией радикальной идеологии.

Представляется, что форма, выбранная Верховным Судом — срединный путь, позволяющий как защитить интересы юрисдикции штата, так и не допустить существенного ограничения прав женщин, поскольку последним предоставлено право выбора клиники (и, соответственно, — право выбора стратегии регулирования аборта).

Судей Верховного Суда США выбирает Президент, после чего кандидатуру утверждает Сенат. Общее количество судей — 9. Обычно президенты выбирают кандидатов не только основываясь на их образовании и опыте в сфере юриспруденции, но также исходя и из их политических взглядов и предпочтений.

В деле “Доббс против Женской организации здравоохранения Джексона” голоса разделились: 6 судей, назначенных республиканцами — Джон Робертс, Кларенс Томас, Самуэль Алито, Нил Горсач, Бретт Кавано, Эми Барретт — голосовали в поддержку закона Миссисипи, против же выступили 3 судей, назначенные демократами — Соня Сотомайор, Елена Кэган, Стивен Брайер. Во втором голосовании — по отмене (замене новым решением старого) дела “Роу против Уэйда” — председатель суда — Джон Робертс — не поддержал своих коллег-консерваторов, в результате чего голосование, определяющее конституционность права на аборт для всей страны, закончилось в соотношении 5 к 4 [5].

После этого по США прокатилась волна обновлений законодательного регулирования, в основном, конечно, касающаяся консервативных (республиканских южных) штатов. На основе этих изменений либеральное агентство “The New York Times” составило карту, которую в данной статье

предлагается сравнить с картой, отображающей результаты президентских выборов 2020 года.

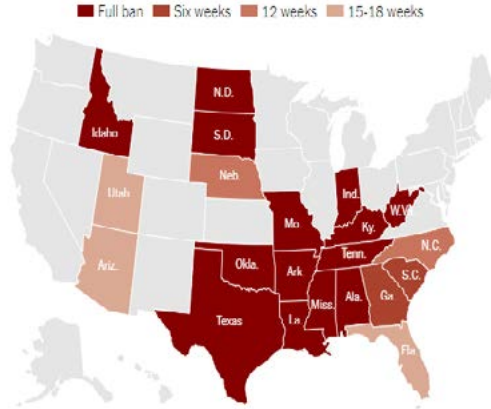

Рисунок 1. Карта отслеживания ограничения абортс по штатам США на декабрь 2023 года

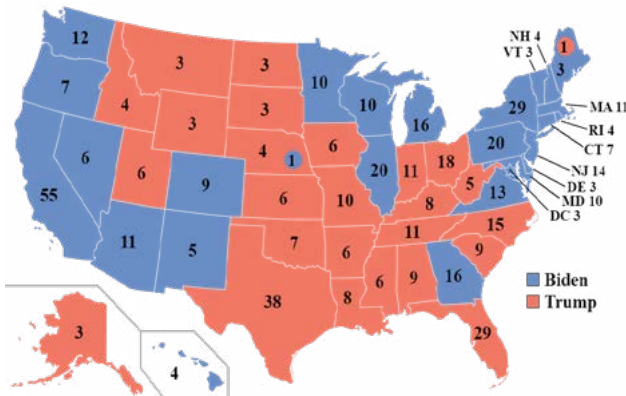

Рисунок 2. Карта результатов президентских выборов 2020 года

В Российской Федерации также государственной властью, общественными и политическими организациями регулярно поднимается вопрос

о допустимости аборт. В СМИ появляются публикации, в том числе радикального характера, направленные на умышленное смещение “окна Овертона”.

В постсоветской России право женщины в этой области сужалось. Изначально основной причиной стал демографический кризис, вызванный коллапсом СССР, однако со временем сужение этого права стало основываться на концепции государственной политики по защите “традиционных ценностей”. Эта стратегия находит отражение в ряде Постановлений Правительства РФ о социальных основаниях аборта. Право на аборт допускалось без ограничений до 12 недели, а при сроке до 22 недель для проведения аборта необходимо было соответствие какому-либо из положений, указанных в таком Постановлении. В период с 1996 года по 2012 год число таких положений сократилось с тринадцати [10] до одного — изнасилования (ст. 131 УК РФ) [11]. Параллельно этому вводились меры социальной поддержки, стимулирующие деторождение, например, — Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 N 256-ФЗ» [12]. На протяжении последних лет Владимиром Путиным был взят курс политико-правового регулирования на сохранение линейной традиционной семьи. Об этом свидетельствуют не только многочисленные дополнения к государственному планированию [13], но также многочисленные заявления “лидеров мнений” [14]. В преддверии президентских выборов 2024 года регулирование подходит, кажется, к своей грани, переступить через которую означает войти в новый порядок. 2024 год был объявлен годом семьи [15]. В настоящее время происходит работа с частными медицинскими учреждениями, которые в “добровольном порядке” отказываются от осуществления части предоставленных им лицензией прав, в том числе — на проведение аборт [16].

При этом закон о запрете аборт в частных клиниках планируют внести на рассмотрение в Гос. Думу в весеннюю сессию 2024 года. Законопроект будет содержать положения о выводе аборт из услуг частных клиник, сокращение срока, при котором возможно прерывание беременности [17].

Согласно статистическим данным Росстата с начала 1990-х в России происходит снижение числа аборт в среднем на 6% ежегодно. В 2022 году число аборт сократилось на 47 тысяч — с 553 тысяч в 2020 до 506 тысяч

в 2022 соответственно [18]. Если говорить о частоте прибегания к искусственному прерыванию беременности, то на 2022 год на каждые 100 родов приходилось 38,8 аборт. Также стоит отметить, что более половины россиян не одобряют запрет абортов, а четверть россиян выступает за полную свободу искусственного прерывания беременности [19].

Таким образом сложившийся в Российской Федерации вектор регулирования абортов можно назвать смешанным. Де-юре свобода женщин на произведение аборта почти не ограничена. Однако де-факто практическое осуществление аборта с каждым годом усложняется как с точки зрения доступности, так и с точки зрения социальной открытости в целом. Стоит ожидать, что такая политика продолжится на всем протяжении президентства В. В. Путина.

Заключая вышесказанное, можно отметить, что регулирование абортов менялось и будет меняться с течением времени. Оно зависит от уровня медицины, общественного правосознания, культуры народа и популярных морально-нравственных течений. В настоящее время право на аборт в США напрямую коррелирует с политическими силами, находящимися у власти, в то время как в России регулирование абортов имеет унифицированный характер и основывается на теории традиционных ценностей, применяемой в той или иной степени во всех аспектах социальной политики государства.

Список литературы

1. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805 (дата обращения: 01.12.2023).
2. Вступительная речь миссис Коретты Скотт Кинг от имени мужа «Планирование семьи — Особая и неотложная забота» 5 мая 1966 года. URL: <https://www.plannedparenthood.org/planned-parenthood-gulf-coast/mlk-acceptance-speech> (дата обращения: 01.12.2023).
3. *Roe v. Wade*, 410 U.S. 113 (1973) [Электронный доступ]. URL: <https://supreme.justia.com> (дата обращения: 07.12.2023).

4. Planned Parenthood of Southeastern Pa. v. Casey, 505 U.S. 833 (1992) [Электронный доступ] URL: <https://supreme.justia.com> (дата обращения: 07.12.2023).
5. Dobbs v. Jackson Women’s Health Organization, 597 U.S. (2022) [Электронный доступ] URL: <https://supreme.justia.com> (дата обращения: 07.12.2023).
6. The Unborn Victims of Violent Act 2004 (Pub. L. 108–212), s. 1841. [Электронный доступ] URL: <https://law.justia.com/codes/us/2010/title18/part1/chap90a/sec1841/> (дата обращения: 05.12.2023).
7. Новости ООН «В ООН раскритиковали решение ВС США отменить конституционное право на аборт» [Электронный доступ] URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/06/1426582> (дата обращения: 04.12.2023).
8. Abortion in America The Origins and Evolution of National Policy / James C. Mohr, James C. Mohr Professor of History University of Oregon/ Oxford University Press/ 1979. С. 3–4; 200. [Электронный доступ] URL: https://books.google.ru/books?id=0moyq1cxDV0C&pg=PR11&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=1#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 04.12.2023).
9. Criminal Abortion Revisited / Samuel W. Buell, Duke Law School. 1991. С. 11. . [Электронный доступ] URL: https://scholarship.law.duke.edu/faculty_scholarship/2174 (дата обращения: 07.12.2023).
10. Постановление Правительства РФ от 08.05.1996 N 567 «Об утверждении Перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности» (утратил силу) // СПС Консультант Плюс [Электронный доступ] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10350/ (дата обращения: 15.12.2023).
11. Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 N 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» // СПС Консультант Плюс [Электронный доступ] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126022/ (дата обращения: 08.12.2023).
12. Статья «Закон о «Материнском капитале» подписан президентом [Электронный доступ] / Российская газета — Федеральный выпуск № 4263. 2006 URL: <https://rg.ru/2006/12/31/vsilu.html> (дата обращения: 30.11.2023).

13. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 02.12.2023).
14. РБК. [Электронный доступ]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/12/11/2023/6550d2189a7947898e512c02> (дата обращения: 10.12.2023).
15. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [Электронный доступ] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 05.12.2023).
16. NGS. [Электронный доступ]. — Режим доступа: <https://ngs.ru/text/family/2023/11/11/72904046/> (дата обращения: 10.12.2023).
17. РИА Новости. [Электронный доступ]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20231206/abort-1914066633.html?ysclid=lpv021484r990768085>.
18. ВФМ. [Электронный доступ]. — Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/539393?ysclid=lpuzyvzh8y354873420>.
19. База данных ФОМ. [Электронный доступ]. — Режим доступа: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14951>.

Журнал «Научный аспект №2 2024»

Эл. почта редакции: public@na-journal.ru

Подробнее на сайте: <https://na-journal.ru>